

ТОМСКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ ВЕСТНИК

Теология. Право. Экономика.

№ 1 (1)
декабрь 2022

Приветственное слово Высокопреосвященнейшего Ростислава, митрополита Томского и Асиновского

Вы держите в руках первый выпуск научно-исследовательского богословского журнала «Томский богословский вестник. Теология. Право. Экономика», который вышел в знаменательный для Томской духовной семинарии год 30-летия ее возрождения. Это новый этап развития семинарии, так как появление флагманского научного издания определяет перспективы развития основных направлений в научной жизни ВУЗа.

Но Томская духовная семинария не просто ВУЗ, а в первую очередь духовная школа, выпускающая пастырей и церковнослужителей, которые призваны быть, по словам Спасителя Господа нашего Иисуса Христа, «Светом миру» (Мф. 5:14) и «Проповедовать Евангелие всей твари» (Мк. 16:15). В том числе для решения задачи проповеди Православного вероучения создан наш вестник. Издание является площадкой для сотрудничества науки и богословия и поэтому широкий спектр междисциплинарных исследований в области теологии, права, экономики и менеджмента составляет основную часть его содержания. Это уже вторая задача, которая стоит перед редколлекцией и редсоветом журнала.

В последние годы разные высшие духовные учебные заведения определяются с основными научными направлениями: историческим, педагогическим, философским. Но самое важное, что все эти направления развиваются

внутри духовных школ, где непосредственно обогащаются богословием и становятся частью общего научного теологического знания. Но знание без духовного опыта не полезно, а в некоторых случаях вредно для человека.

Томская духовная семинария на протяжении нескольких лет развивает научное направление экономики и права. В этом году с успехом прошла первая Всероссийская научно-практическая конференция «Светское право и экономика в современной жизни Церкви», которая станет ежегодной. В семинарии существует научно-исследовательская лаборатория «Церковного права, экономики, педагогики и психологии». Появление журнала позволит закрепить за нашей духовной школой статус исследовательского центра изучения проблем права и экономики в Церковной действительности. И это третья задача, которую можно определить, как создание платформы не только для теоретических, но и практических исследований.

Приглашаем всех исследователей, ученых, богословов и преподавателей, как духовных, так и светских высших учебных заведений к сотрудничеству с «Томским богословским вестником. Теология. Право. Экономика».

Благословляя редакционный совет и коллегия на работу над созданием журнала хотел бы напомнить мудрые слова предстоятеля нашей Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Развитие духовного образования, превращение нашего духовенства еще и в «интеллектуальный класс» нашего общества — это священная обязанность всех нас. И все это не ради некоего интеллектуального эстетства, не ради того, чтобы мы как участники общественного дискурса убедительно выглядели, — все это ради спасения души современного человека, для которого убедительны только те слова, которые способны произвести впечатление и в интеллектуальном плане». От слаженной работы над важным и очень непростым делом по созданию научно-практического журнала зависит не только интеллектуальное насыщение читателей, но и во многом выстраивание правильных ориентиров для поиска «пищи» духовной!

*Митрополит Томский
и Асиновский Ростислав*

Содержание

<i>Священник Виталий Коллантай.</i> О предмете, методе и механизме правового регулирования Церковного судебного процесса.....	4
<i>Исаева Анастасия Александровна.</i> Правовое отражение свободы совести в Российской Федерации.....	7
<i>Фефелов Алексей Алексеевич.</i> Современные духовно-нравственные проблемы экономики России. Роль духовно-нравственных аспектов в экономике.....	14
<i>Ланкин Вадим Геннадьевич.</i> Совесть, право и правило — категориальные коллизии современной мировой трансформации.....	18
<i>Масленников Дмитрий Владимирович.</i> Актуальность учения И. В. Михайловского об абсолютном в праве для суверенной философии права и правовой теологии	23
<i>Священник Павел Бочков.</i> Историко-правовые основы деятельности религиозных организаций в контексте хозяйственно- правовых отношений в монастырских хозяйствах в Древнерусском государстве	28
<i>Шалыгин Александр Иванович.</i> Финансовое управление православного прихода: современные подходы и модели	32

О предмете, методе и механизме правового регулирования Церковного судебного процесса

Священник Виталий Коллантай,
Томская духовная семинария,
г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании анализа действующего уголовного, гражданского и арбитражного законодательства предпринята попытка осмысления таких понятий, как «предмет», «метод» и «механизм правового регулирования» в церковном судебном процессе; обоснована возможность выделения этих понятий в теологической и правовой науке; приведена позиция автора о необходимости выделения отдельной отрасли теологического и правового знания науки церковного судебного процесса; установлено, что классификация понятий механизма правового регулирования науки церковного судебного процесса может носить расширительный характер; приведено авторское определение понятия «сакраментального метода» церковного судебного процесса.

Ключевые слова: церковный судебный процесс, сакраментальный метод правового регулирования, уголовный процесс, классификация.

On the subject, method and mechanism of legal regulation of the Church judicial process

*Priest Vitaly Kollontai
Tomsk Theological Seminary, Tomsk, Russian
Federation*

Annotation. Based on the analysis of the current criminal, civil and arbitration legislation, the article attempts to comprehend such concepts as «subject», «method» and «mechanism of legal regulation» in church litigation; the possibility of distinguishing these concepts in theological and legal science is substantiated; the author's position on the need to distinguish a separate branch of theological and legal knowledge is given it is established that the classification of the concepts of the mechanism of legal regulation of the science of church litigation can be expansive; the author's definition of the concept of «sacramental method» of church litigation is given.

Keywords: ecclesiastical judicial process, sacramental method of legal regulation, criminal procedure, classification.

С выделения теологии как отдельной научной специальности прошло немного времени, но анализируя правовые документы, регламентирующие область ее познания, а также статьи ученых можно прийти к выводу о внушительном разнообразии тем научных изысканий. Действительно, теология — самостоятельно развивающаяся наука, имеющая свою внутреннюю структуру, еще формирующуюся, но уже на этом этапе видны очертания последующих научных исследований, которые, несомненно, приведут к выделению научных школ и возможно отдельных отраслей науки.

Список направлений исследований по научной специальности 26.00.01 Теология в области исследования Православной теологии имеет 16 пунктов. Пункт 1.7. включает в себя: «Каноническое право. История и методология права христианских конфессий. Источники канонического права. Правовые отношения церкви и государства. Брачное право и церковная судебная система» [1]. Такая интенция открывает перед учеными не просто новое широкое поле исследований, но и выстраивает междисциплинарные связи между теологией и правовыми науками.

Ранее нами уже отмечалось, что в настоящее время между теологией, выражающей Православное вероучение, и правовыми науками существует множество взаимосвязей, которые способствуют развитию и насыщению самого права. А на стыке теологического и юридического знания возможно проведение диалога и новых научных исследований [4, с. 160]. Таким перспективным направлением для работы нам представляется церковный судебный процесс. И тому есть несколько причин.

Во-первых, при детальном рассмотрении церковного судебного процесса можно прийти к выводу, что ему присущи аналогичные черты, которые определяют уголовный процесс и гражданский процесс как не просто практическую деятельность суда и органов расследования, а как науку. Во-вторых, церковный судебный процесс распространен

в историческом контексте, но при этом сохраняет свою целостность и неизбежность основных институтов с момента появления. В-третьих, развитие инструментов правового регулирования судебного процесса Церкви идет параллельно, с идентичными процессами в светских отраслях знаний, но при этом их значение и раскрытие приобретает зачастую иной характер. В-четвертых, достижения в области церковного судопроизводства возможно экстраполировать на иные процессуальные области права.

Правовые науки при общих началах и идентичных механизмах обладают собственным неповторимым предметом и методом правового регулирования. Различные предметы процессуальных отраслей права не схожи до степени смешения, а отличаются индивидуальными особенностями, регламентирующими внутреннее устройство и внешнюю деятельность. Предмет правовой науки определяет ее специфику, но не только как определенной сферы судебной деятельности, но и как познавательной деятельности.

С одной стороны, предмет всегда отождествляется с активной деятельностью, так как непосредственно связан, а точнее сказать исходит из общественных отношений. С другой стороны, сам предмет статичен, и описывает границы, определяемого знания. Таким образом, предмет способен описывать постоянную деятельность не определяя точные временные промежутки.

Предметом церковного судебного процесса являются общественные отношения, складывающиеся в процессе подготовки, рассмотрения и разрешения заявления или иного сообщения о церковном правонарушении, его исследовании церковным судом, а также в ходе постановки решения, проверки его законности и обоснованности.

Вторым важнейшим элементом выделения знания в конкретно-научную область является метод. Метод должен быть присущ науке как целостной системе и не повторять методов иных областей знаний.

Как справедливо отмечает А. С. Бахта, каждой основной отрасли права присущ свой метод правового регулирования, специфические черты которого выражаются: 1) в правовом положении (статусе) субъектов; 2) в основаниях формирования правоотношений; 3) в способах определения их содержания; 4) в юридических санкциях [2, с. 64].

Под методом правового регулирования в процессуальной правовой науке понимается единый специфический прием или сочетания приемов юридического воздействия на определяемые предметом общественные отношения. Отчетливо метод просматривается в правовом статусе субъектов процессуальной деятельности. Это обстоятельство подтверждается формированием взаимоотношений между различными субъектами и появляется в двух основных формах — субординационной и координационной. Для первой формы характерно подчиненное положение одного субъекта правоотношений по отношению к другому. В науке принято такой метод называть императивный или субординационный. Он применяется в публично-правовых отраслях права (административном, конституционном, уголовном и др.). Вторая форма проявляется в равенстве участников правоотношений и отсутствии каких-либо властных полномочий друг к другу. Иными словами, можно эту форму обозначить как диспозитивный или координационный метод правового регулирования. Характерен метод для частноправовых отраслей (гражданское право).

В разных сочетаниях императивный и диспозитивный метод существуют в различных отраслях правовой науки. В наиболее общем виде отношения субъектов характеризуются отношениями «власть — подчинение». В науке уголовного процесса применяется субординационный метод правового регулирования, или метод властных предписаний. Отличительной чертой науки гражданского процесса является метод координации, когда субъекты права поставлены в отношения равенства.

Особенность предмета правового регулирования церковного судебного процесса — наличие трех групп субъектов: священнослужители, церковнослужители и миряне.

Все эти субъекты являются обязательными участниками всех церковно-процессуальных правоотношений, с одной стороны, и субъекта правоотношений, совершающего Таинства Церкви — с другой, что определяет специфичность юридического режима, рассматриваемой нами отрасли теологической науки. Характерным для церковного судебного процесса отраслевым методом правового регулирования, т.е. специфическим способом юридического воздействия, является собственный, который нами обозначен как **сакраментальный метод**.

Важным для сакраментального метода является участие двух субъектов в Таинстве, которое воздействует на них, но не посредством субординации, а сокровенным, тайным способом. При этом действие Таинства распространяется в равной степени на обе стороны отношений. В Таинствах действия благодати носит конкретный характер [3, с. 113]. Через сообщение благодати в человеке происходят изменения.

Сакраментальный (от лат. sacramentum) означает таинственный. Участие человека в Таинстве не просто акт, а священнодействие. Через Таинство человеку сообщается благодать, которая оказывает влияние на дальнейшие поступки и деяния. Так как благодать с помощью ratio объяснить не получается, но ее действия очевидны и эмпирически обоснованы, стоит говорить о существовании специфического воздействия в форме сакраментального метода правового регулирования.

Еще одним немаловажным аспектом выделения церковного судебного процесса в отдельную научную отрасль теологического и правового знания можно считать наличие специфического механизма правового регулирования.

В обобщенном виде под механизмом правового регулирования в науке понимается система

специальных юридических средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование отрасли.

К средствам правового регулирования можно отнести следующие:

- нормы права;
- нормативные правовые акты;
- правоотношения;
- акты реализации и применения права;
- акты толкования (официальные);
- правосознание.

Основной системы специальных юридических средств механизма правового регулирования церковного судебного процесса можно определить теолого-правовой подход. Он состоит из четырех частей: 1) Священное Писание и Предание; 2) Каноны (каноны Вселенских и поместных соборов, а также правила святых отцов); 3) Положения современной церковной правовой мысли; 4) Святоотеческие толкования.

Особенностью теолого-правового подхода является сочетание общецерковных канонов (правила и постановления Вселенских соборов) и положений современной правовой мысли поместных Церквей (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви и др.).

Наличие особого предмета, метода и механизма правового регулирования подтверждает тезис о том, что церковный судебный процесс идентифицируется как самостоятельная отрасль теологической и правовой науки. Исследование функций, разработанность элементов и институтов правового статуса участников позволит ответить на вопрос о сформированности науки церковного судебного процесса.

Междисциплинарный характер и нахождение на стыке теологии и правовых наук позволяет церковному судебному процессу обогащаться достижениями этих отраслей гуманитарных знаний.

Выводы, сформулированные в этой статье и сама поднятая тема — это приглашение для ученых теологов и юристов к обсуждению возможности выделения церковного судебного процесса как науки. Общие дискуссии по существу поднятого вопроса помогут совместно выработать единый подход к церковному судебному процессу как к особой деятельности.

Список литературы:

1. Паспорт специальности Православная Теология [Режим доступа] https://www.vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader%3Ftype%3D18-%26name%3D2192110001-%26f%3D1358&ved=2ahUKEwiU1umCh9L3AhWXzYsKhcYoCuEQFnoECAkQAQ&usq=AOvVaw0BiiHFqM4Y1-K5uuGFrw_T (дата обращения: 01.05.2022).
2. Бахта А. С. О методе уголовно-процессуального права // Вестник Московского Университета МВД России № 5. 2009. С. 63–67.
3. Давыденков О. Догматическое богословие. М., 2013. 688 с.
4. Коллантай В. А., Нагибин А. Н. Науки о праве и православное вероучение (проблемы взаимодействия) // Христианство и педагогика: история и современность Мат-лы V Международной науч.-практ. конференции. Пенза. 2021. С. 155–162.

Сведения об авторе. Иерей Виталий Коллантай, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Томского государственного педагогического университета, доцент кафедры церковно-практических дисциплин, проректор по учебной работе Томской духовной семинарии, alivealternativ@mail.ru

Information about the author. Priest Vitaly Kolontai, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of Tomsk State Pedagogical University, Associate Professor of the Department of Church and Practical Disciplines, Vice-Rector for Academic Affairs of the Tomsk Theological Seminary, alivealternativ@mail.ru

Правовое отражение свободы совести в Российской Федерации

Исаева Анастасия Александровна,
Национальный исследовательский
Томский государственный
университет, г. Томск, Российская
Федерация

Аннотация. В России на конституционном уровне каждому гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания. Анализ динамики развития действующего законодательства Российской Федерации в сфере их реализации позволяет выделить несколько основных направлений ограничений и прийти к выводу о значительном сужении круга возможных правомочий при системной реализации принципа светского государства.

Ключевые слова: Конституция, свобода совести, светское государство, основы конституционного строя, религиозные объединения.

Annotation. In Russia, at the constitutional level, everyone is guaranteed freedom of conscience and freedom of religion. The analysis of the dynamics of the development of the current legislation of the Russian Federation in the sphere of their implementation allows us to identify several main areas of restrictions and come to the conclusion about a significant narrowing of the range of possible powers in the systematic implementation of the principle of a secular state.

Keywords: Constitution, freedom of conscience, secular state, foundations of the constitutional system, religious associations.

Legal reflection of freedom of conscience in the Russian Federation

*Isayeva Anastasia Alexandrovna
National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation*

Свобода совести, обладая высоким конституционно-правовым значением как фундаментальный элемент в иерархии личных прав человека, в современной отечественной правовой науке определяется по-разному. Более того, неодинаково проводится соотношение понятий свобода

совести и свобода вероисповедания. Сейчас распространено мнение, что свобода вероисповедания входит в структуру свободы совести как ее элемент. Одни ученые, например М. В. Баглай, Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин, под свободой совести понимают право человека как верить в Бога в соответствии

с учением той или иной свободно выбранной им религии, так и быть атеистом, т.е. не верить в Бога [2, с. 199].

Другие определяют ее шире — как возможность человека самостоятельно, без какого-либо принуждения решать вопрос, руководствоваться ли ему в оценке

своих поступков, мыслей, явлений действительности и тому подобно-го поучениями религии или отказываться от них [11, с. 973].

Таким образом, свободу совести можно понимать не только как право исповедовать ту или иную религию или отрицать ее, а значительно шире. От претворения в жизнь этой свободы зависят способность индивида самореализоваться в личность.

Под свободой вероисповедания сегодня понимается право человека на выбор религиозного учения и беспрепятственное открытое отправление культов и обрядов в соответствии с этим учением [13, с. 11]. И хотя свобода вероисповедания является элементом свободы совести, ее можно рассматривать как самостоятельный конституционно-правовой институт, обладающий собственным содержанием. По справедливому замечанию А. В. Пчелинцева, каждое из рассматриваемых понятий имеет специфическое юридическое наполнение [11, с. 27].

Согласно Конституции Российской Федерации (далее — РФ) и российскому законодательству свобода совести может реализовываться в двух формах — единоличной и коллегиальной. Обе формы предусматривают систему правомочий в своем содержании. Но ни одна из свобод не может быть абсолютной и подлежит, с одной стороны, правовому регулированию, а, с другой — ограничениям.

Ограничения свободы совести являются ее необходимым атрибутом. При этом практическое значение имеет вопрос определения допустимости ограничений. Он решается на национальном уровне органами конституционного нормоконтроля, в России стране — Конституционным Судом РФ.

Зарубежный опыт показывает, что могут использоваться разные методики определения допустимости ограничений, например, немецкий тест на пропорциональность или американский метод взвешивания интересов. В своей практике Конституционный Суд

РФ ориентируется на ту же методологию, которой пользуются Федеральный конституционный суд Федеративной республики Германия и Европейский суд по правам человека — принцип пропорциональности. Он имеет двухэтапную структуру. На первом этапе необходимо установить, что действиями правительства оказалось ограничено какое-либо право, в частности свобода совести и свобода вероисповедания. А второй включает в себя три элемента: во-первых, средство, предназначенное для достижения цели правительства, должно подходить для достижения этой цели (уместность); во-вторых, из всех подходящих должно быть выбрано то средство, которое в наименьшей степени ограничивает право частного лица (необходимость); в-третьих, ущерб частному лицу от ограничения его права должен быть пропорционален выгоде правительства в отношении достижения поставленной цели (пропорциональность в узком смысле) [14]. Некоторые авторы кроме того достаточно часто в качестве самостоятельного элемента или предпосылки анализа пропорциональности рассматривают категорию «легитимной цели», которая активно применяется в практике Европейского Суда по правам человека [3; 18].

Ограничения свободы совести являются элементом ее внутренней структуры и представляют собой количественное или качественное умаление/урезание/сужение правомочий данной свободы в ходе ее реализации, что, в тоже время, не является ее изъятием как таковой. Просто объем правомочий, которые можно реализовать в рамках данной свободы становится меньше.

Границы ограничений свободы совести должны детерминироваться необходимостью, а она может быть различной в конкретных исторических, политических, культурных условиях и т.д.

Во многом ограничения зависят от установленной модели государственно-церковных отношений. Особенности

конфигурации взаимоотношений между публичной властью и религиозными структурами могут быть отображены в ряде моделей проводимой государственной конфессиональной политики. Выделяют, в частности, страны, где наблюдается сращивание государственного аппарата и церковной власти (Иран); устанавливается на конституционном уровне или в законодательстве особое положение (государственной, национальной, официальной и т.д.) одной или нескольких религий (Армения, Греция, Дания, большинство мусульманских стран); закрепляется отделение церкви от государства (Франция, Турция); формируются отношения партнерства и взаимодействия между соответствующими структурами (Россия, Белоруссия); вводится запрет на религию вообще, как, например, это имело место в Албании (согласно Конституции Народной Социалистической Республики Албании 1976 года), либо отдельные вероучения (Китай, Бруней, Эритрея).

Однако каждое государство обладает своими особенностями при выстраивании отношений с религиозными структурами. Именно поэтому ученые предпринимали многочисленные попытки классификации моделей государственно-конфессиональных отношений. В частности, В. Коле Дарем определил «дугу светских государств» [16], на краях которой размещаются, с одной стороны, теократические государства, где имеет место союз и единство между государством и религией, а с другой стороны, аболиционистские режимы с негативной религиозной идентификацией. А промежуточные положения между ними занимают различные виды светских государств. То есть, по сути, он выделяет светские и два вида несветских стран.

Вопрос об определении светских государств очень неоднозначный. В научной литературе можно выделить три подхода в определении конституционного статуса секуляризма. Во-первых, позиция, которую наиболее ярко

отстаивает А. Шайо — бывший судья Европейского суда по правам человека (с 2008 по 2017 гг.), и которая исходит из посылы о том, что в большинстве либерально-демократических конституций принцип светскости государства прямо не указан (есть, например, во Франции и Турции). «Европейский подход», который с одной стороны сводится к гарантированности личной религиозной свободы каждого, гражданское и политическое равенство граждан вне зависимости от принадлежности к религии, запрет дискриминации, а с другой — установление автономии религиозных объединений от государства, отсутствие вмешательства в организацию публичной власти.

Во-вторых, предлагается полностью контекстуализировать секуляризм в конституционном праве, развивая теории альтернативного секуляризма. Здесь выделяются полярные типы секуляризма. С одной стороны, «инклюзивный», «пассивный», «умеренный», «эволюционный», «слабый», «терпимый», «множественный», «позитивный» секуляризм. А с другой стороны, в противовес ему выделяют «исключительный», «напористый», «агрессивный», «сильный», «нетерпимый», «этатистский» секуляризм.

Например, профессор политологии А. Куру выделяет «пассивный» (англ. «passive») и «напористый» (англ. «assertive») секуляризм [17]. В последнем случае политика государства направлена на недопущение общественного обсуждения религиозных вопросов, вытеснение религии из публичной сферы в основном в область частной жизни людей (например, Турция и Франция). Здесь государство определяет роль и место религии в общественной жизни. «Пассивный» секуляризм, напротив, не запрещает и законодательно не устанавливает ограничений исповеданию никакого вероучения и допускает религию в публично-правовую сферу (например, Венгрия, США, Чехия).

В качестве признаков, позволяющих отделить «пассивный» и «напористый» секуляризм, А. Куру предлагает выделять: характер законодательства и правосудия (основаны ли они на религии и ее источниках), провозглашение одной или нескольких религий в качестве официальных, характер государственного образования. При этом в рамках светской характеристики образования он рассматривал такие параметры, как запрет на религиозные символы в школе, обязанность приносить присягу со ссылками на Бога), запрет на частное религиозное образование, религиозное обучение в государственных школах, государственное финансирование частных религиозных школ и запрет на молитвы в государственных школах.

В-третьих, довольно радикальная позиция, представленная В. Бадером [15]. Он это критикует «секуляризм» во всех его разновидностях как нежизнеспособный конституционный принцип и предлагает исключить этот термин, вводя новый либерально-демократический конституционализм.

Не исключая различные подходы, можно отметить, что светское государство — это государство, в котором институционально функционально религия и коллективные формы отправления культа (религиозные объединения) отделены от государства. Это не характеристика человека или реализации свободы совести как субъективного права человека, а характеристика государственно-церковных отношений. Поэтому упоминание светского государства в нашей стране содержится в первой главе Конституции, где закреплены признаки государства, а не во второй, где закреплен правовой статус личности в России.

Как верно отмечают ученые, сейчас предпринимается попытка уйти от понимания светскости как антирелигиозности. Эту позицию излагает в своих работах А. М. Осавелюк [7]. Подобного мнения придерживается и И. В. Понкин, который пишет, что если в государстве

законы принимаются парламентом, а не религиозной организацией, если судебную власть осуществляют светские, а не религиозные (например, шариатские) суды, если высшую власть реализует в государстве нерелигиозная организация, а выборный орган государственной власти, если реализуется разделение религиозных организаций и государства и т.д. — то это светское государство, независимо от меры сотрудничества государства с религиозными организациями. А сотрудничает абсолютное большинство государств, включая Великобританию, Израиль, Россию, США, Францию и др. [8].

Здесь уместна аналогия с принципом разделения властей. Если в начале, когда она только разрабатывалась, говорили об абсолютной автономии отдельных ветвей власти, а в нашем случае — религиозных объединений и государства, светского и духовного, то сегодня обращаются к различным формам взаимного влияния одного на другое. Выделяемые направления такого влияния по принципу маркоров позволяют охарактеризовать как именно в данном государстве нашел свое воплощение принцип светскости. Среди таких сфер взаимного сопряжения и влияния можно назвать, например: образование, правовую систему (источники права, *lex canonica*), институт капелланства, бюджетное финансирование, организационная самостоятельность. При этом взаимодействие в этих сферах между государством и религиозными объединениями можно рассматривать как с точки зрения его нормативного оформления, так и правоприменительной практики.

Так, в сфере образования, откуда религия была вытеснена в советский период, можно наблюдать возрождение конфессиональных традиций. С 2010 г. в отдельных регионах в качестве проекта был введен курс «Основы религиозных культур и светской этики». Позже с 1 сентября 2012 г. его преподавание было распространено на всю территорию России. Одним из модулей этого курса являются «Основы православной культуры».

Кроме того, согласно ст. 87 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» примерные основные образовательные программы в части учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов РФ, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), проходят экспертизу в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой организации в соответствии с ее внутренними установлениями.

В рамках поствузовского образования тоже есть изменения. С сентября 2015 г. была введена новая научная специальность 26.00.01 «Теология».

Не меньший интерес представляет получивший развитие в нашей стране в последнее десятилетие институт капелланства. В частности, в российской армии в 2010 г. [9] было сформировано Управление по работе с верующими военнослужащими во исполнение поручения Президента РФ о введении института военного духовенства. В действующих нормативных актах прямо не указывается та или иная религия, не указывается и минимального числа верующих, при достижении которого им может быть предоставлена возможность общаться со священнослужителем, что обеспечивает равноправие.

Более того, в России установлены общие требования для должностных лиц по работе с верующими военнослужащими всех родов войск. Согласно Положению Министерства обороны РФ по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил РФ от 24 января 2010 г. они следующие: гражданство РФ (не иметь двойного гражданства); не иметь судимости; иметь уровень государственного образования не ниже среднего (полного) общего образования; иметь рекомендацию от соответствующего религиозного

объединения; иметь положительное заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья и опыт служения в соответствующем религиозном объединении не менее пяти лет. Лица, назначаемые на соответствующие должности, должны пройти специальную подготовку по вопросам военной службы. И если в России в качестве военных священников могут быть представители любой религии, то в ряде стран их перечень ограничен. Например, в Хорватии имеют право на пастырское попечение своих последователей в вооруженных силах и членов их семей только те 16 религиозных общин, которые заключили контракт с хорватским правительством [19].

Таким образом, в мире существует широкий спектр возможных видов государственно-конфессиональных отношений и в каждой стране выбор делается в пользу того или иного типа, исходя из своих национальных и исторических особенностей. Сделав свой выбор и РФ, в пользу гармоничных отношений и межконфессионального диалога. Для этого в 1995 году был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, куда входят представители буддистов, лютеран, мусульман, православных и т.д.

Исходя из модели государственно-конфессиональных отношений во многом осуществляется и правовое регулирование реализации свободы совести и установление ограничений. Так как Конституцией РФ предусмотрены две возможные формы реализации свободы совести — индивидуальная и коллективная, то рассмотрим направления ограничений свободы совести в России для каждой из них.

Анализ действующего законодательства РФ и правоприменительной практики позволяют выделить несколько основных направлений ограничений, вводимых на реализацию свободы совести в индивидуальном порядке.

В качестве одного из ограничений можно рассматривать резкое сужение возможности осуществлять миссионерскую деятельность,

что предусмотрено внесенными в июле 2016 г. изменениями в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», где появилась новая глава 3.1. [12]. Тем самым законодатель не дает возможности как отдельным лицам, так и их объединениям абсолютно свободно реализовывать право на распространение религии. Вводит условия соответствующей деятельности.

Соответствующее законодательство было предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, но вопросы возникают не столько по самому законодательству, сколько по практике его применения [5; 6].

Более того, имеет место коллизия норм Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулирующих места, где допустимо проводить миссионерскую деятельность. Так, согласно ч. 3 ст. 24.1 не допускается осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 16 указанного федерального закона. А в ч. 2 ст. 16 прямо закреплено, что богослужения, другие религиозные обряды и церемонии беспрепятственно совершаются, в том числе, в жилых помещениях.

Множество споров вызывает определение экстремизма, закрепленное в Федеральном законе РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Отдельные авторы говорят о том, что оно является слишком широким и предоставляет значительный простор для усмотрения органам государственной власти при решении вопросов наличия признаков данного преступления [1].

Можно отметить, что в последнее десятилетие, применительно к религиозной сфере антиэкстремистское законодательство все более и более ужесточается. В 2013 году ст. 9 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» была дополнена п. 3, который исключает ряд

лиц не только из числа возможных учредителей (что, наверное, можно признать обоснованным), но и участников, членов религиозной организации, в том числе осужденных за экстремизм. Хотя с точки зрения Конституции РФ свобода совести гарантируется каждому. То же и с точки зрения религии, где реализуется идея прощения, искупления.

В то же время пристального внимания заслуживает проблема преследования в России ряда религиозных объединений под лозунгом борьбы с экстремизмом. Фактически правоприменение идет по пути — преследование людей за веру. Сначала религиозные тексты признаются содержащими экстремистские положения, а впоследствии члены организаций подвергаются преследованиям. Так, часто нарушаются права сайентологов, иеговистов и мусульман.

Далее указанные тенденции только продолжаются. Внесенные в 2020 году поправки в Конституцию РФ, хоть и включили в текст основного закона упоминание Бога (ст. 67.1), но не деформировали светского характера российского государства.

Однако, они нашли свое отражение в отраслевом законодательстве. В частности, почти сразу затронули действующий Федеральный закон РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», законопроект о поправках к которому был внесен в Государственную Думу РФ 21.07.2020 и принят 11.06.2021. Эти актом предусмотрены следующие изменения.

Во-первых, поправки исключают возможность некоторых лиц стать руководителем и участником религиозной группы, в частности, иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношении которых принято решение о нежелательности пребывания в России (ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Если в отношении руководителей объединения эта нормы не вызывает сомнений, то в отношении участников представляется,

что указанные положения вступают в противоречия со ст. 28 Конституции РФ, гарантирующими свободу совести каждому.

Во-вторых, усложнен порядок уведомления о продолжении деятельности религиозных групп. Теперь вместо одного раза в три года, как это было ранее, они подают документы ежегодно. При этом объем предоставляемых сведений аналогичен тому, который указывается в уведомлении о начале деятельности группы. Можно отметить, что вопрос о периодичности предоставления уведомления о продолжении деятельности религиозных групп уже обсуждался в 2016 году, когда в Государственной Думе РФ рассматривался законопроект № 44734-7 «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», предложенный Государственным Собранием — Курултайем Республики Башкортостан и депутатом Государственной Думы Р. Р. Ишсариним. Тогда Правительство РФ не поддержало аналогичные в своем содержании поправки о ежегодном уведомлении о продолжении деятельности религиозных групп, отметив, что указанные сроки являются необоснованно малыми и в пояснительной записке к законопроекту не содержится подтвержденного статистическими данными анализа правоприменительной практики, свидетельствующего о неэффективности действующих норм Закона. В пояснительной записке к принятому в 2021 году Закону обширного анализа статистических данных так же не было, однако количество фактически действующих и подавших уведомления о продолжении деятельности религиозных групп в одном субъекте РФ — Республике Башкортостан было указано. Несмотря на это, поправка была принята.

В-третьих, поправки расширяют возможности государству вмешиваться во внутренние дела религиозных организаций. Формулировку о невмешательстве государства, применимую, если деятельность религиозной организации «не противоречит настоящему

Федеральному закону», изменили на «если она не противоречит законодательству Российской Федерации». К тому же устанавливается возможность запрета на выход религиозной организации из состава централизованной организации.

В-четвертых, серьезный резонанс вызвала поправка, которая обязывает священнослужителей, получивших религиозное образование за рубежом, пройти в России переаттестацию и получить дополнительное профессиональное образование. Учитывая, что у некоторых религиозных организаций нет духовных учебных заведений в России, указанное требование представляется для них дискриминационным.

Критику вызывает практика формирования списка экстремистских материалов и перечня некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Сейчас там поименовано 5259 материалов.

Но критику вызывает не столько само наличие списка, сколько порядок его ведения и эффективность. Там содержатся дублирующие пункты. Библию убрали из под действия этого закона, но другие христианские тексты остались.

Другое направление ограниченной коллегияльная. И здесь внимание обращает легальная классификация религиозных объединений и неурегулированность правового статуса религиозных групп. Законодательство РФ предусматривает две основные организационно-правовые формы деятельности религиозных объединений в России — религиозные организации и религиозные группы. Первые из указанных обладают статусом юридического лица, вторые — нет. Однако, хоть Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусмотрены легальные формы деятельности религиозных объединений, в тоже

время им в должной мере не урегулирован статус каждой из них. В гл. 3 указанного закона закрепляются права и условия деятельности только религиозных организаций. Отдельной главы или хотя бы статьи, регулирующей этот вопрос для религиозных групп, нет. В отличие, например, от Федерального закона РФ от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», который весьма детально регулирует вопросы организации и деятельности зарегистрированных и не регистрируемых общественных объединений. В случае же возникновения спорной ситуации в отношениях с религиозными группами правоприменитель вынужден обращаться к единственному п. 3 ст. 7 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулирующему в целом их статус и закрепляющему, что они имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Вопрос о необходимости детализации правового статуса религиозных групп ставился перед Конституционным Судом РФ [4]. Однако Суд, ушел от его рассмотрения по существу. Заявители обжаловали неопределенность положения ч. 1 ст. 7 и ч. 3 ст. 24.2 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», так как они не определяют минимальный количественный состав религиозной группы для признания ее созданной, конкретный момент, с наступлением которого связывается возникновение религиозной группы, порядок создания религиозной группы, и в силу этого позволяют признавать религиозной группой любое собрание граждан, собравшихся для совместного исповедания и распространения своей веры. Также можно добавить, что ст. 7, как и, в целом, Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не регулируют всех элементов правового статуса религиозных групп, комплекс их

прав и обязанностей, что вызывает трудности в правоприменительной деятельности, требующей конкретности и четкости в изложении норм права.

Но в решении Конституционного Суда РФ не анализировалась сама по себе законодательная неопределенность статуса религиозных групп и ее правовые последствия. По сути, суд ушел от решения этого вопроса.

Таким образом, ограничения могут налагаться на различные формы реализации свободы совести как в законодательстве, так и в правоприменительной практике. Значимую роль в деле ее защиты играют судебные органы, которые корректируют правоприменение и выявляют смысл правовых предписаний, что способствует реализации конституционного принципа светского государства в России.

В России государственно-конфессиональная политика носит светский характер, но, как и в любой другой стране, имеет свои особенности реализации. Но в нашей стране конституционно-правовой институт светскости государства характеризуется своей системностью. Нужно признать, что в нормативных правовых актах за редким исключением не отдается предпочтение и не выделяется та или иная конкретная религия, но в целом поддерживается духовное и нравственное развитие личности и населения страны.

Список литературы:

1. Антюхов Ю. В. Исторический обзор особенностей современной трактовки экстремизма в национальном и международном законодательстве // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1(57). С. 11–17.
2. Баглай М. В. Конституционное право России: учебник для юридических вузов. М., 2001.
3. Должиков А. В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать

в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 11–31.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 416-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина США Оссеваарде Дональда Джея на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision266182.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 24.1, пунктом 2 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision323481.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 N 2683-О «По жалобе местной религиозной организации Церковь евангельских христиан-баптистов «Примирение» города Йошкар-Олы Республики Марий Эл на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 2 и 3 статьи 8 и пунктом 3 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision433706.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Осавелюк А. М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституции России) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 32–42.

8. Понкин И. В. Спор с вульгарно-атеистическим радикалом о светскости государства (ответ на статью О. В. Мартышина): Концепт и онтология светского государства и светскости государства, многообразие моделей, дефектность идеологизированных подходов / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М., 2019.
9. По организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил РФ: положение Министерства обороны РФ от 24.01.2010. URL: http://stat.doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831@egNPA (дата обращения: 20.04.2022).
10. Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
11. Розенбаум Ю. А. Свобода совести // Юридическая энциклопедия / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 2001.
12. Федеральный закон РФ от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание Законодательства РФ. 11.07.2016. № 28. Ст. 4558.
13. Шибанова М. А. Конституционное право человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 2009.
14. Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002; Rivers J. Proportionality and Variable Intensity of Review // Cambridge Law Journal. Vol. 65. 2006. No. 1. P. 174–207.
15. Bader V. Constitutionalizing secularism, alternative secularisms or liberal-democratic constitutionalism? A critical reading of some Turkish, ECtHR and Indian Supreme Court cases on «secularism» // Utrecht Law Review. 2010. Vol. 6, Is. 3. P. 8–35.
16. Durham W.C. (Jr.) Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections // Pontificia Accademia delle scienze sociali. Plenary Session (17th: 2011: Vatican City). P. 359–389.
17. Kuru A. T. Passive and Assertive Secularism: Historical Conditions, Ideological Struggles, and State Policies toward Religion // World Politics. 2007. Vol. 59. P. 568–594.
18. Matthias Klatt M. Meister M. The Structure of the Proportionality Test. Oxford: Oxford University Press, 2012.
19. O pravnom položaju vjerskih zajednica: zakon 04.07.2002 № 070–03/01–01/01 // Narodne Novine. 16.07.2002. broj. 83/2002.

Сведения об авторе. Анастасия Александровна Исаева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, andreeva.tsu@mail.ru

Information about the author. Anastasia Aleksandrovna Isaeva, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, andreeva.tsu@mail.ru

Современные духовно- нравственные проблемы экономики России.

Роль духовно-нравственных аспектов в экономике

Фефелов Алексей Алексеевич,
Сибирский государственный
университет науки
и технологий им. М.Ф.
Решетникова, г. Красноярск,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема духовно-религиозных аспектов экономических отношений. Проблема стала весьма актуальной в нашей стране. В связи с этим назрела необходимость переосмысления исторического опыта хозяйственно-экономической деятельности, изучение положительных традиций в сфере трудовой жизни, честного хозяйствования с позиции Русской православной церкви.

Ключевые слова: глобализация, экономика, Русская православная церковь (РПЦ), мировоззрение, социальная справедливость.

Modern spiritual and moral problems of the Russian economy. The role of spiritual and moral aspects in the economy.

*Fefelov Alexey Alekseevich
Siberian State University of Science and
Technology named after M. F. Reshetnikov,
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Annotation. The article deals with the problem of spiritual and religious aspects of economic relations. The problem has become very urgent in our country. In this regard, there is a need to rethink the historical experience of economic activity, study positive traditions in the field of working life, honest management from the position of the Russian Orthodox Church.

Keywords: globalization, economy, Russian Orthodox Church (ROC), worldview, social justice.

Все мировые религии, так или иначе, оказывают влияние не только на духовно-нравственное воспитание, но также на экономико-хозяйственную деятельность людей. Используя авторитет религиозного учения, разрешали и порой благословляли определенные виды экономической деятельности и запрещали или неодобрительно относились к другим. Так же определялись разрешенные и запрещенные типы имущественных отношений. Религия, как мировоззренческий институт, сформировала духовно-нравственные нормы экономического поведения людей.

Современное общество, занимающееся чрезмерным наращиванием капитала и экономического потенциала, изучая экономическую науку, настаивает на ее обособленности от морали, религии и духовных ценностей. В связи с этим представляют интерес основы православного отношения к экономической деятельности, в особенности в сравнении с западными социокультурными установками.

Летом 2000 г. на юбилейном Архиерейском соборе был принят важный официальный документ Русской православной церкви «Основы социальной концепции Русской православной церкви». В отношении глобализации там говорится: «Глобализация имеет не только политико-правовое, но также экономическое и культурно-информационное измерения. В экономике она связана с возникновением транснациональных корпораций, где сосредоточены значительные материальные и финансовые ресурсы и где трудится огромное количество граждан разных стран. Лица, стоящие во главе международных экономических и финансовых структур, сосредоточивают в своих руках огромную власть, не подконтрольную народам и даже правительствам и не признающую никаких пределов — будь то государственные границы, этническо-культурная идентичность или необходимость сохранения экологической

и демографической устойчивости. Подчас они не желают считаться с традициями и религиозными устоями народов, вовлекая их в осуществление их планов. Церковь не может не беспокоить и практика финансовых спекуляций, стирающая зависимость доходов от затраченного труда. Одной из форм этих спекуляций являются финансовые «пирамиды», крушение которых вызывает широкомасштабные потрясения. В целом подобные изменения в экономике приводят к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства» [1]. Как видно из документа, позиция Православной церкви по вопросу изучения экономического развития вполне определенная: религиозная этика вносит в экономику принцип социальной ответственности и справедливости. Также в документе указано: «В целом вызов глобализации требует от современного общества достойного ответа, основанного на заботе о сохранении мирной и достойной жизни для всех людей в сочетании со стремлением к их духовному совершенству...» [1]. Из документа следует, что Церковь выступает против экономической и финансовой глобализации, которая

не только вредит национальным суверенитетам, способствует грабежу ресурсов и ценностей государств, но также, в конечном счете, подрывает духовные (и конкретно христианские) основы общества. Также указана необходимость ответа вызовам глобализации со стороны общества и Церкви.

Мы видим, как экономика нашей страны регулярно испытывает определенные кризисы. К тому же за последнее столетие мы уже три раза сменили политэкономический строй. Скорее всего это происходит от того, что мы пытаемся осуществлять деятельность на тех правилах и в тех экономических условиях, которые не соответствуют нашему мировоззрению и нашим ценностям. Для понимания причин данной проблемы, следует обозначить, что во временных и географических рамках сформировались диаметрально противоположные мировоззрения народов, проживающих на территориях «Запада» и «Востока» [2]. Религия своими специфическими средствами оказывала воздействие на сознание и мотивы экономической деятельности человека, создавая соответствующий нравственный фон, формируя трудовую мораль.

«ЗАПАД»	«ВОСТОК»
Материализм	Духовность
Рационализм и практицизм	Иррационализм
Индивидуализм и активизм	Коллективизм и созерцательность
абсолютизация права = «тоталитарная демократия»	абсолютизация государства = добровольное служение общности
Убежденность в цивилизационном превосходстве	Убежденность в культурном превосходстве
Финансовое благополучие возведено в абсолют, превалирует принцип потребления, обладания благами	Нестяжательство как благодетель, неприятие ростовщичества, принцип познания, духовного развития, а блага — лишь средства
Колониализм и неоколониализм, означающий отъем ресурсов из подчиненных стран с возможностью уничтожения народа	Антиколониализм, вовлечение народов в увеличивающееся совместное пространство на принципах партнерства

Однако проблема состоит не только в разнице мировоззрений народов. Интересен и способ накопления капитала, его географическая концентрация и выгодоприобретатели. Можно выделить несколько этапов накопления капитала [3; 4; 5]:

Этап	Период	Участники	Основа получения капитала
I этап	начало XVII – XVIII вв.	Голландия, Франция	Неэквивалентная торговля, колониальные войны, работоторговля, ростовщичество
II этап	XVIII – начало XX вв.	Британия	Торговля (фактически грабеж колоний), работоторговля, пиратство, ростовщичество, торговля наркотиками (как следствие уничтожение экономик Индии и Китая)
III этап	С 1913 г. по настоящее время	США (ФРС)	Глобальные войны (уничтожение экономик стран), торговля ресурсами, ростовщичество

Как можно увидеть, создателями сложившейся экономической системы и конечными бенефициарами являются носители протестантской, иудейской идеологии вкупе с различного рода сектантами и прочими носителями откровенно антихристианских идей. А ведь религиозные воззрения всегда оказывала активное воздействие на практические импульсы к действию, на поведение верующих в сфере экономики и производства, на хозяйственную этику народа, его отношение к труду.

Не удивительно что мы не в состоянии найти себе достойного места в современной экономической системе, так как она не соответствует нашему мировоззрению, а либерально-капиталистические ценности абсолютно противоположны нашей системе ценностей. Таким образом, можно сказать о том, что основная причина наших экономических проблем в том, что мы пытаемся строить и развивать сильную экономику в чужеродной для нас системе. Пытаясь использовать экономические инструменты и применять экономические модели общества с чуждым мировоззрением, мы

входим в постоянный конфликт с собственной системой ценностей. Решения у этой проблемы всего два. Для встраивания в либерально-капиталистическую систему, но только на вторых ролях придется либо полностью забыть свою историю, культуру, сломать свое мировоззрение и фактически перестать существовать как народ. Либо кардинально пересмотреть политические и экономические инструменты и выстроить свою собственную систему, отвечающую нашим цивилизационным ценностям. А для этого стоит обратиться к опыту и мнению Православной церкви.

Православная церковь, выступает за экономическое развитие, научно-технический прогресс, но при условии уважения личности, на базе социальной справедливости. Такое развитие возможно в случае сотрудничества человека с Богом. Именно контакты экономистов, предпринимателей и богословов способны направить развитие экономики в русло стабильности и надежности [6]. «В наше время тема предпринимательской и финансовой деятельности, направленной на пользу людей, имеет первостепенную

значимость для формирования гармоничных социальных отношений» [7].

За последние десятилетия Европейские страны, Россия, Беларусь и Украина перенесли немало изменений в экономической и политической сферах. И практика показала, что никакие даже самые продвинутые экономические и политические реформы только лишь сами по себе не в состоянии решить социально-экономические проблемы людей. Неравенство, катастрофическая разница в доходах, безработица, экономические кризисы и коррупция постоянно принижают достоинство человеческой личности, тем самым обостряют различные социальные, политические и национальные конфликты.

В таких условиях, когда общество находится в поиске вектора развития актуальной становится значение миссии Православной церкви. «Задача Церкви — словом и делом, проповедью и молитвой поддержать людей в трудные времена, вселить в их сердца надежду и веру в спасительный промысел Божий о каждом человеке, призвать людей, в том числе из мира бизнеса, не оставаться равнодушными к нуждам и скорбям многих своих соотечественников. Можно долго говорить о несовершенстве экономических механизмов, давать в очередной раз рецепты спасения финансовой системы. Но нужно помнить, что экономика — это всего лишь инструмент в руках человека, и сам человек является местом борьбы добра и зла, центром принятия решений — правильных или ошибочных» [8].

Отсюда следует, что все общество в целом, а не только православные христиане, должно прийти к осознанию того, что социальная справедливость, социально ответственный бизнес и социально ориентированное государство — жизненно необходимое условие выживания современной цивилизации [6]. Поэтому исследование принципов экономической деятельности с богословско-этическим

обоснованием Русской православной церкви в настоящее время является чрезвычайно важным и актуальным. Разумеется, такая позиция Русской православной церкви некомфортна многим «прозападникам», ведь она отдаляет Россию от влияния Западного мира. Но именно такая позиция Православной церкви затрагивает духовно-нравственные аспекты экономики и никак не препятствует социально-экономическому прогрессу, а значит позволит ей участвовать в строительстве России, способной развиваться и уверенно противостоять внешним и внутренним экономико-политическим вызовам в рамках своего мировоззрения и традиционной системе ценностей нашей цивилизации.

Список литературы

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви — Текст: электронный // Интернет-портал «Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата»: электронный ресурс. — 2008. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 25.04.2022).
2. Аузан А. А. Культурные коды экономики: как религия влияет на экономический успех / А.А. Аузан. — Текст: электронный // Forbes: электронный журнал. — 2021. — URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/441929-kulturnye-kody-ekonomiki-kak-religia-vliaet-na-ekonomiceskij-uspeh> (дата обращения: 28.04.2022).
3. Арриги Д. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / С. С. Новикова. Москва: «Территория будущего», 2006.
4. Далио Р. Меняющийся мировой порядок. Большие циклы Голландской и Британской империй и их валют. Текст: электронный // Интернет-портал «Smart-Lab»: электронный ресурс. 2021. URL: <https://smart-lab.ru/blog/721103.php> (дата обращения: 20.04.2022).
5. Айвазов А. Э. Системные циклы накопления капитала — Текст: электронный // Интернет-портал «Regnum»: электронный ресурс. — 2019. — URL: <https://regnum.ru/news/economy/2589293.html> (дата обращения: 28.04.2022).
6. Чопей Б. В. Осмысление экономики в социальном учении Православной Церкви // Интернет-портал «Богослов. Научный богословский портал»: электронный ресурс. — 2012. — URL: <https://bogoslov.ru/article/2507986> 2012 (дата обращения: 07.05.2022).
7. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Патриаршее приветствие участникам симпозиума «Этические аспекты банковской деятельности и социальная роль банков: опыт России и Италии» // Интернет-портал «Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата». [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/print/1666787.html> (дата обращения: 28. 04. 2022).
8. Иларион, Митрополит Волоколамский. Причина экономического кризиса — в сердцах людей // Интернет-портал «Правмир». [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-prichina-ekonomicheskogo-krizisa-v-serdcaх-lyudej/> (дата обращения: 28. 04. 2022).

Сведения об авторе. Фефелов Алексей Алексеевич, старший преподаватель кафедры менеджмента Сибирского государственного университета науки и технологий им. М. Ф. Решетникова, job-af@yandex.ru

Information about the author. Fefelov Alexey Alekseevich, Senior Lecturer of the Department of Management of the Siberian State University of Science and Technology named after M. F. Reshetnikov, job-af@yandex.ru

Совесть, право и правило — категориальные коллизии современной мировой трансформации

Ланкин Вадим Геннадьевич,
Томский государственный
архитектурно-строительный
университет, г. Томск,
Российская Федерация

Аннотация. Рассматриваются концептуальные основания понимания связи между явлениями культуры, социальной организации, юридически-правового контроля общественной жизни и технологического управления человеческим поведением в ключевые моменты изменений, которые происходят в современном мире. Показано изменение в условиях современности соотношения между такими факторами организующего регулирования, как совесть — феномен сознания и культуры, право — институционализированный фактор социальной природы и прямые управляющие алгоритмы как фактор социальных технологий.

Ключевые слова: совесть, культура, право, законность, факторы социальности, социальные технологии, постгуманизм, геймификация, благодеяние, благополучие.

Conscience, law and rule — categorical collisions of the modern world transformation

*Lankin Vadim Gennadievich
Tomsk State University of Architecture and Civil
Engineering, Tomsk, Russian Federation*

Annotation. The conceptual foundations of understanding the connection between the phenomena of culture, social organization, legal control of public life and technological management of human behavior in the key of the changes that occur in the modern world are considered. The article shows the change in the modern conditions of the relationship between such factors of organizing regulation as conscience — a phenomenon of consciousness and culture, the right — institutionalized factor of social nature and direct control algorithms as a factor of social technologies.

Keywords: conscience, culture, law, legality, factors of sociality, social technologies, posthumanism, gamification, benevolence, well-being.

Соотношение понятий, выведенных в названии, можно рассмотреть в духе системы оснований — проявлений: совесть, феномен нравственного сознания, посредством которого опознаются моральные ценности, это основание для правовой системы. Правовые положения являются основаниями для решений текущего управления жизнью. Текущее управление можно фигурально назвать системой «подзаконных актов», которые выражены не только в виде разовых распоряжений, но и в виде оперативных правил прямого регулирования человеческих действий.

Так это все выглядит при рассмотрении некоего абстрактного человеческого общежития, где все уровни, элементы и моменты жизни соизмеримы, принципиально изоморфны. Но в действительности элементы, факторы и онтологические инстанции бытия не изоморфны друг другу и в ряде аспектов не соизмеримы. Совесть, то есть сознание, право, то есть институализированное и публичное основание поведенческих решений, и правило, то есть алгоритмическое определение порядка действий в рамках оперативного управления — эти основания личностного и общественного порядка относятся к разным онтологическим инстанциям человеческого бытия, а в связи с этим имеют и разную феноменологию, и разное значение в истории. Они не только конструктивно взаимодействуют, но и конкурируют, при том, что каждая из них в ту или иную эпоху претендует на доминирование, предполагающее в крайних вариантах редукцию других конкурирующих инстанций и их элиминирование в теории. Мы видели попытку реализовать человеческое общежитие при элиминировании понятия совести и замене такового сочетанием понятий свобода и право — в западном мире XIX–XX вв. Мы теперь начинаем видеть, что технологический по своей природе принцип правила, оперативного алгоритма, стремится вытеснить не только совесть как форму ценностного сознания,

но и свободу вместе с дискурсом прав, заменяя все это спонтанностью желаний в системе тотальной геймификации, являющейся на самом деле вовсе не суррогатом свободы, а системой навязываемых, внушаемых оперативных правил, в которую втягивается человек, в обход сознания и помимо какого-либо логического дискурса — о человеческих интересах, о счастье или об ответственном выборе, рамку для которого давала бы обоснованная система прав.

Мы стоим на пороге возможной отмены сознания (совести) и демонстративной логики обосновывающей мысли (публичного права), что, без сомнения, является признаком не только социального перелома, но и антропологического кризиса. Это вызов современному обществу и человеческой природе, поскольку опасный успех такой редукции приведет к состоянию постчеловечества и к сведению общества, до сих пор понимавшегося как взаимодействие людей в соответствии с их интересами, к конфигурации социальных сетей, определяемой условиями и правилами платформ. Это проект машинного общества и человека-машины. Это проект актуального недочеловека в неконтролируемой им среде примитивных контактов, — но среде, управляемой группой людей, которые давно и безуспешно мечтали о себе как о «сверхчеловеках».

Обратим внимание: в контексте актуальной политики международного права противопоставляется некие правила, причем содержательно не эксплицируемые; они просто вводятся в ритме оперативного управления. Здесь и не может быть обоснования в духе прав, ибо права демонстративны и публичны, а правила — элементы технологического алгоритма, лишь предметом которого оказывается человечество.

Основные мировые переломы связаны с конфликтом и переключением доминантных ролей между теми инстанциями, которые мы вначале обозначили через понятия совести, права и правила. Это был не однонаправленный

процесс: когда-то доминанту системы римского права сменила доминанта системы христианской совести. Коллизия между христианством и древнееврейским фарисейством того же порядка: закону, выхолащенному до формальной дозволенности/недозволенности, здесь противопоставилось живое сознание Божьей правды как Любви, обращенной именно к человеческой совести, к переживанию сердца. Но намного ранее этих исторических перемен систему магических внушений и управляющих ритуалов сменила система философской логики и рационально обосновываемых законов. То есть ход истории не предрешен логикой какого-либо «прогресса», он определяется спектром периодически открывающихся новых возможностей и конкретной борьбой идей и принципов при использовании этих возможностей. В частности, последние повороты истории связаны с разработкой новых ментальных технологий — научного рационального мышления (XVII–XIX вв.) и новых информационных технологий (конец XX в.), которые оказались столь могущественными, чтобы изменить жизнь общества в направлении ее, вначале рационально-правового регулирования, а затем суггестивного манипулирования, при том, что традиционные силы культуры не успели интегрировать эти новые возможности в свою систему осмысленности, оказались в проигрывающей оборонительной позиции. Но из сказанного выше следует: они оказались в этом положении не фатально, а ситуативно, и возможны новые повороты в осмыслении человечеством самого себя, и соответственно, изменения в способах самоконтроля человека как субъекта в событии мироздания.

Имеет место три взаимосвязанных гуманитарно-социальных инстанции, каждая из которых развивается с опорой на другие, но независима в своих интенциях, автономна в своих возможностях и несоизмерима с другими

инстанциями в своих качественных характеристиках. Это культура, это социум и это технология. У многих при восприятии этих слов возникает импульс объединить их в характерных терминах «социокультурные», «социальные технологии» и т.п. Но это инстанции по своему внутреннему принципу разного порядка.

Культура — это прежде всего живой опыт осмысления и переосмысления человеком его естественного существования. Культура прямо корреспондирует с феноменом сознания, актуальность коего и состоит в осмыслении и переосмыслении. Совесть, в частности, это феномен сознания самого глубинного уровня. Совесть соизмерима прежде всего с человеческой личностью. Заметим, мы не можем представить себе экономики одного человека, политики одного человека — для того и другого нужны межчеловеческие взаимодействия — нужно общество. Культура же, конечно, тоже неотрывна от общества как среды ее формирования, но она присуща и отдельному человеку — она живет и продуцируется внутри его сознания. Коммуникация же людей по поводу культурных смыслов это не просто важный аттрактор социальности, а это и основание социальности как таковой в том плане, что сколько-то сложное человеческое взаимодействие может осуществляться только на основе человеческого взаимопонимания, таковых, в частности, его средств, как язык формулирования сложных мыслей, как единство представлений о среде взаимодействия — в пределе о мире как таковом. Культура и культурная коммуникация первичны по отношению к образованию всех прочих социальных отношений.

Социум это система взаимодействия людей на основе ряда базовых мотивов — смысловой коммуникации, взаимовыгодной интеграции и организации группы в качестве единого целого на основе концентрации воли, проявляющейся как власть и подчинение. Отсюда и три фактора социальности, а в развитом виде — сферы социальной жизни: культурная

коммуникация, экономика и система власти. Верно, что в сложном обществе все эти три сферы глубоко взаимопроникнуты, но все же каждая из них сохраняет внутри свою особенную мотивацию и свой особенный аспект апелляции к человеческому сознанию и действию. В развитых социальных системах масштаба цивилизаций или исторических эпох выстраивается своего рода иерархия таких факторов. В таких системах одна из сторон социальности выступает в сильной доминирующей позиции, оттесняя на второй план ту область, которой она берется активно управлять и вытесняя третью почти в маргинальную сферу ограничения. Так для Римской империи характерна доминанта власти над экономикой и вытеснение культуры на уровень привлечения ученых рабов и художников-инородцев. В такого рода системе, очевидно, должно превалировать институализированное право. В средневековом обществе как Европы, так и исламского мира, превалировал фактор культуры в его наиболее сильном выражении, каковым выступает религия. Политика и власть были подотчетны религиозному авторитету, каковой разрастался порой до экстремума теократии (в Византии и на Руси, конечно, этого не было). Экономика была многосторонне регламентирована, причем именно религиозные регламенты играли главную роль. Средневековый цивилизационный проект был основан на примате религиозной совести как главном регулирующем факторе, хотя понято, что сложные перипетии истории тысячелетнего масштаба включали многообразные реальные коллизии.

Советский строй номинально претендовал на такую же логику социальных факторов: во главе культура «нового человека», далее власть в виде необходимой диктатуры и еще ниже экономика, регламентированная до мелких деталей. Но реальность того общества была другой: этику совести на самом деле замещала идеология, которая имела сугубо политическую природу и, конечно, власть партии была существом этого строя — власть,

полностью управляющая экономикой и жестко регламентировавшей культуру. Западная цивилизация второй половины 20 века — очевидный пример доминирования экономического фактора, вследствие которого политика оказалась всецело продажной, а культура столь же всецело коммерциализованной — приведенной к знаменателю массового развлечения.

Сравнивая способы управления и регламентации жизни в советском и американском обществах 20 века, важно отметить роль, с одной стороны, политической воли, которая находила продолжение в формах «социалистической законности», и «право» как закрепление условий экономического либерализма. «Право» при этом вроде бы указывает на свободу, но содержит, между тем, массу регламентирующих ограничений. Здесь присутствует лишь презумпция свободы, которая, однако, пресекается на основе примата юридической инстанции. Главная инстанция управления в американском обществе, считает Ф. Фукуяма, говоря об этом как о характерном отличии его нации и государства от европейских, это именно суд. Грубо говоря, человек может делать «все что хочет», но долг соглядатаев донести на него, а власть суда — точно определить, что к чему. Таким образом, «право» и «законность» это социальные инструменты контроля, работающие по-разному. «Законность» больше связана с воспитанием морального долга, а «право» — с признанием святости юридической инстанции. Если угодно «законность» предполагает в своей подоснове совесть, а «право» ее совсем не предполагает — это право преследовать частный интерес до той черты, пока юридическая инстанция не остановит эту авантюру [2].

Здесь надо вернуться к наличию трех автономных факторов социальности. Иерархическое соотношение между ними в исторических типах цивилизаций естественно. Однако экстремальное превалирование одного из факторов — такое, которое всецело подавляет и редуцирует другие — это

признак кризиса общества и угроза коллапса социальности. Кризис западного Средневековья именно такого свойства: церковь (культура в сильном варианте религии) присваивает себе юридические и политические функции и подчиняет экономику. Общественная жизнь начинает испытывать нездоровый перекосяк. Кризис Древнего Рима — присвоение властью святости и главной экономической силы. Кризис современного капитализма — коммерциализация всего и вся — с перспективой коммерциализовать и монетизировать и все бытовые отношения. Баланс факторов социальности — основание оздоровления общества и, видимо, реальная организующая модель его оптимального состояния, каковое возможно на том или ином уровне технических условий в ту или иную эпоху.

Но сила, делающая социальные системы подвижными, это неуклонное расширение технических возможностей. Именно вследствие этого меняются условия для развития факторов социальности в их взаимодействии и конкуренции. Особую роль здесь играют технологии коммуникации и информации — те аспекты технического преобразования, которые воздействуют на среду социальную и психологическую. Опыт человечества знает ряд революций этого рода: изобретение языка слов-понятий, и соответственно создание связно-осмысляющих нарративов при усложнении образа мысли; изобретение письменности и, соответственно, институализация образования, появление рациональной логики и обретения образцов права и науки; книгопечатание, сделавшее науку доминирующей силой и выдвинувшее идеологию как политический суррогат массовой веры. Но все эти преобразования нельзя сравнить с тем, что в этой области привнесли XX и XXI вв. Все те преобразования можно было счесть прогрессивными в силу того, что они содействовали развитию человеческого сознания и мышления, хотя и направляли его не по прямой дорогой «вперед», а фатальными

зигзагами. Те же преобразования в области информационно-коммуникативных технологий, которые мы получили недавно, никак нельзя назвать факторами развития сознания и усовершенствования мыслительной активности. Средства массовой коммуникации — от радио и кино до интернета и виртуальных игровых пространств — не апеллируют к сознанию, они интенсивно включают досознательные факторы психики — воздействуют на внимание, реакции, провоцируют спонтанные мотивы и подогревают бессознательные желания. Все это создает основу для технологий управления человеком в обход сознания.

Собственно, в этом и состоит суть и беспрецедентная масштабность всего современного глобалистского проекта в гуманитарно-антропологическом и социально-политическом его аспектах: заменить культуру как способ самоопределения людей в мире на основе осмысления и осознания на технологию, как способ определения человеческого поведения и когнитивного состояния. Человек из аутентичного субъекта должен превратиться в ведомого актора — из осмысленно свободной личности в увлеченного геймера. Именно этот тренд наблюдается во всех проявлениях такого рода — от моделей машинного электронного обучения и компетентностной парадигмы образования до тик-тока и флэш-монов, от куар-кода и больших данных до социальных стимуляций («жесткого» рейтингового, типа, как в Китае, или «мягкого» геймифицированного типа, как в Канаде и в ряде стран Запада).

Этому тренду соответствует и попытка в теории, в философском обосновании представить культуру как таковую не как инстанцию осмысления, а как эпифеномен социальной технологии — порядка жизни людей, мотивированного социально-функциональными факторами. Понятия сознания как способа обретения аутентичного смысла и личности как носителя сознания в таких теориях сводятся

к инструментальным инстанциям формирования навыков социальных ролей и модульных состояний (в ключе концепта «модульный человек» Э. Тоффлера) [1].

Люди традиционного воспитания и образования склонны воспринимать все это как нечто противоестественное, как бешенство фантастического проекта. Но при этом нам надо обратить внимание, что все это — актуальные проявления гораздо более длинной исторической линии: Сумасбродный проект современности это следующий логический шаг нововременного этического проекта, маргинализовавшего, а затем и отменившего совесть. Здесь действует логика последовательной этической трансформации: Совесть предполагает стояние сознания в свете другого смысла, оказывающегося своим-другим и тем самым судящего и преобразующего свое. Этические ценности в этом типе сознания превосходят по своему значению эгоцентрику субъективного решения, они ориентируют субъективность в превосходящих ее координатах онтологических добра и зла. Онтологическое добро это то, что объективно созидает бытие, зло — то, что объективно разрушает. Субъективность оказывается перед судом этих объективных полярностей мироздания. Мысль же Нового времени (с XVII–XVIII вв.) переносит этический центр в поле субъективности — акцентирует идею счастья. Концепт счастья принципиально эгоцентрический, и в его поле добро это то, что содействует моему счастью, а зло — что ему мешает. В теориях Б. Спинозы и К. Гельвеция имеется в виду индивидуальное счастье, у социалистов говорится о счастье человечества; здесь, конечно, есть некоторое отличие, но здесь тем не менее главенствует один и тот же принцип: объективного блага, превосходящего своей смысловой силой человеческий разум, нет; есть только субъективное благо — идея блага как торжества субъективности. Субъективное благо идеала счастья конкретизируется как интерес,

оно квалифицируется в терминах благополучия, материального достатка и инструментального могущества. Но вслушаемся: идеал благополучия означает нечто противоположное идеалу благодеяния.

Но этика счастья это не предел эгоцентризма. Счастье это все еще слишком широкое жизненное смысловое обобщение. Оно зовет актуального субъекта к борьбе за счастье, к волевой аскезе и т.п. героизму эпохи корсаров и революционеров. А актуальная субъективность — здесь и сейчас, она хочет удовольствия, она живет желанием. Этого рода этическая трансформация была начата психоанализом и подхвачена реформаторами смысловых полей второй половины XX–XXI вв. Не счастье, а удовольствие, не воля, а желание, не стремление, а влечение, не свобода, а спонтанность — так кардинально начала меняться мотивационная матрица человека новейшего проекта. Но удовольствие и увлечение, будучи эфемерными, гораздо меньше нуждаются в прочности материальных вещей; для их проявления достаточно имитации — нужны не столько реальные блага, сколько виртуальные впечатления. Не столько нужно обладание, сколько быстрая услуга и пользование в аренду. Но вместе с материальным имуществом у постчеловека отнимается и воля, и свобода, и знание, ориентированное на истину, — отнимается сознание и способность к осмыслению.

Мы еще не живем в мире постгуманизма, мы находимся в точке бифуркации — в рискованном поле притяжения ряда аттракторов возможного будущего, сила каждого из которых еще не сказалась вполне. Нам важно усилить способность осознания, чтобы наш выбор будущего оказался не спонтанным влечением, а осмысленным решением. Для этого же важно увидеть глубинную подоплеку антропологической и социальной действительности. Важно опереться на образ совести как силы сознания,

ориентированного на высший смысл. И далее выстраивать на этой основе идентичность человеческого саморазвития — в противовес зыбкой подвижности трансгрессии меняющегося таким образом существа. Только на почве человеческой идентичности может строиться система законов общества, соотносимая с объективной природой человеческого взаимодействия. В противном случае она рискует превратиться в набор «прав» реализации субъективных интересов, неизбежно экспансивных и конфликтных. Или даже в матрицу правил спонтанной игры, в отношении которой человек не автор и даже не актер, а ведомый актёр, игрок кем-то другим режиссируемого действия.

Список литературы:

1. Тоффлер Э. Шок будущего. http://yanko.lib.ru/books/cultur/toffler-future_shock-ru-l.pdf (дата обращения: 12.09.2022).
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt (дата обращения: 12.09.2022).

Сведения об авторе. Ланкин Вадим Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Томского государственного архитектурно-строительного университета, lankinvg@mail.ru

Information about the author. Lanekin Vadim Gennadievich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, lankinvg@mail.ru

Актуальность учения И. В. Михайловского об абсолютном в праве для суверенной философии права и правовой теологии¹

Масленников Дмитрий Владимирович,
Русская христианская гуманитарная
академия, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Аннотация. *Идея права невозможна без поминания его абсолютной природы. Способы выражения абсолютного в праве как всеобщего единства мышления и бытия, заключающего в себе идею блага, развивались в классической философии от Платона до Гегеля. При этом обнаружилась необходимость инкорпорации в дискурс философии права богословского содержания. И. В. Михайловский был одним из немногих, кто в начале прошлого века отстаивал идею абсолютного в праве, апеллируя при этом к учению Гегеля. Хотя его концепция, прежде всего со стороны метода, заслуживает критики, она сохраняет свою актуальность в качестве необходимого элемента суверенной философии права России.*

Ключевые слова: *И. В. Михайловский, Гегель, абсолютное, ценности, право, Богочеловек, правовая теология, философия права.*

**The relevance of the teachings of
I. V. Mikhailovsky on the absolute in law
for the sovereign philosophy of law and
legal theology**

*Maslennikov Dmitry Vladimirovich
Russian Christian Humanitarian Academy, Saint
Petersburg, Russian Federation*

Annotation. *The idea of law is impossible without remembering its absolute nature. Ways of expressing the absolute in law as a universal unity of thought and being, containing the idea of the good, developed in classical philosophy from Plato to Hegel. At the same time, the necessity of incorporating theological content into the discourse of the philosophy of law was revealed. I. V. Mikhailovsky was one of the few who at the beginning of the last century defended the idea of the absolute in law, while appealing to the teachings of Hegel. Although his concept, above all from the side of the method, deserves criticism, it retains its relevance as a necessary element of the sovereign philosophy of law of Russia.*

Keywords: *I. V. Mikhailovsky, Hegel, absolute, values, law, God-man, legal theology, philosophy of law.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44055 «Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна»

Осмыслить бытие права можно, лишь поняв его абсолютную природу. Вне отношения к абсолютному содержанию право теряет свою действительную сущность и ускользает от нашего понимания. В праве, как и в морали, светится видимостью смысл Божественной Истины, который раскрывается для нас православным богословием. В светском же измерении абсолютное содержание права обнаруживается в его ценностном наполнении. Если бы нравственно-правовые ценности не имели абсолютно значения и с очевидностью не указывали бы на всеобщее основание правовых норм, выходящее за пределы относительных форм, заданных особенностями социально-исторических процессов, то нельзя было бы говорить о свободе человека. Ведь, подчиняясь чему-то, обусловленному, неабсолютному, человек сам неизбежно обуславливается какими-то внешними ему обстоятельствами: волей государства, социальными условиями, общественной или собственной психологией, деятельностью практического или «коммуникативного» разума и т.п. В таком случае невозможно различение добра и зла, которое может быть лишь свободным процессом, а значит, невозможна нравственность (как содержание этого различения) и невозможно право (как форма этого различения) [8, с. 42–43]. Право нельзя вывести ни из воли государства, ни из воли класса, ни из логики коммуникации. В любом из этих вариантов дедукции права (и многих других возможных объяснений) не будет воспроизводиться его абсолютно ценностная природа, а значит, для правосознания человека ценности права останутся немь [3, с. 17]. И. Кант, указывая на проблему абсолюта в праве, отмечал: «Чисто эмпирическое учение о праве — это голова (подобно деревянной голове в басне Федре), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [5, с. 284–285].

Поэтому для теории права принципиален вопрос о присутствии абсолютных начал в праве

и о способе помыслить абсолютное в праве. Возможность решения последней задачи, однако, не столь очевидна, поскольку мышление абсолютного осуществляется только в диалектике всеобщего единства бытия и мышления, а это уже — дело философской науки, прошедшей в постижении и в активном творчестве этой диалектики длительный путь исторического развития. Инкорпорировать опыт мышления абсолютного применительно к праву составляет задачу специализированной философской дисциплины — философии права.

Философия права должна показать, как всеобщее единство бытия и мышления раскрывает в себе определенность правовых форм, воплощающихся далее в формы нравственно-правовых норм и в формы правового сознания. Таким образом, содержание философии права охватывает дискурс перехода от *philosophia prima*, изучающей всеобщие начала, к позитивной теории права [3, с. 4]. В истории мысли первым, кто представил развернутую концепцию реализации всеобщей гармонии мышления и бытия в формы нравственной справедливости, в формы истинного государства и законов, был Платон. Его понимание всеобщего единства мышления и бытия как идеи блага [6, с. 29–37], позволило трактовать государство и право как реализацию порождающей модели абсолютного добра.

Начиная с Платона, понятие права предполагало философское постижение идеи блага и более того — идеи абсолютного блага, без которой невозможно обосновать принцип универсальности норм права. Право также имеет своей предпосылкой идею всеобщего равенства (или ценности) всех людей, независимо от их отличий друг от друга. Право, далее, предполагает идею абсолютной свободы, понимаемой как высшая ценность и как высший императив всякого действия. Синтез этих трех идей как раз и дает всеобщую идею права. При этом промежуточным

синтезом является синтез понятий равенства и свободы в понятие личности.

И еще важный момент. Право является формой межличностных (или, если угодно, общественных) отношений, сфокусированных этими тремя идеями в единое понятие. О формальности права писали очень много, но важно не забывать и подлинный, т.е. аристотелевский, смысл понятия формы. Как форма право есть экспликация внутреннего содержания абсолютных идей равенства, свободы и блага. Значит для становления права, т.е. для синтеза этой формы и «материи» общественных отношений, необходима проявленность указанных трех идей и проявленность их синтеза в действительность. Чтобы праву стать активной формой, сама эта форма должна проявить себя как «эйдос» общественных отношений [9, с. 167–168].

Исторически этот синтез и его проявление, т.е. становление его как формы, образа единства идеи блага и идеи личности (включающей в себя идею равенства и свободы), осуществляется в явлении Богочеловека и связанного с этим Преображения (т.е. изменения образа) Человека, со становлением человека в качестве личности. Воскресение Богочеловека преодолевает отчуждение человека от Бога и дает истинную форму для преодоления отчуждения человека от человека. Человек как личность полагает себе границу (а значит, полагает себя как действительного человека, поскольку лишь то, что имеет границу, имеет определение и образ). Поскольку он осознает себя как свободу, он полагает эту границу и своей свободой. Христос, побеждая смерть и утверждая победу человека над смертью, не только делает его абсолютно свободным (в том числе и от смерти, без чего свобода не является абсолютной), но и дает истинную форму границы личности: ею становится свобода другой личности. Таким образом, впервые возможно понимания права как «совокупности условий, при которых произвол

одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы» (И. Кант) [5, с. 285].

Идея абсолютного в праве, таким образом, не может достичь предела своего понимания, если она всего лишь рационально дедуцируема из абстрактных философских положений о благом единстве мышления и бытия. В своей развитой форме эта идея должна включать в себя опыт духовного Богообщения и рационального осмысления истин Откровения [1, с. 225–234]. А потому философия права может достичь действительного синтеза всех основных моментов идеи права лишь во взаимодействии с правовой теологией.

Философия права исторически имела три возможных варианта. Первый основан на идее естественной субстанции права. Классическое выражение этой идеи — естественное право как субстанция позитивного права в «Сумме теологии» Фомы Аквинского. Второй: идея позитивного права, выведенная из действия субъекта — общественный договор Гоббса и Локка. Ограниченность состоит в том, что в первом случае дается субстанция права без субъективности, а с другой — субъективность без субстанции. Третий вариант — немецкая классика Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, которая понимала основу права как активную единую «субстанцию-субъект». Последняя связывалась с восстановленным христианским пониманием свободы, но уже с философски раскрытым его смыслом. Философия права Гегеля (особенно в том ее направлении, которое было задано его богословскими работами [2, с. 16–21]) ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы [11, с. 20–24; 12, с. 74–90]. Гегель актуализирует содержание

абсолютного в праве, при том, что «для Гегеля абсолют постижим и постигается «духовно», т.е. духом как субъектом, как абсолютным самосознанием» [10, с. 160].

Это содержание, обусловленное взаимосвязью философско-правовых и богословских аспектов в учении Гегеля, не было, однако, адекватно понято в XIX столетии, когда наследие философа интерпретировали по-преимуществу в духе докантовского догматизма, совершенно необоснованно обвиняя его в «панлогизме» и даже в пантеизме [10, с. 161–162]. На рубеже XIX и XX веков в философском сообществе, в основном ориентированном на позитивизм, стал слышен призыв неокантианцев «Назад к Канту!». В итоге в философии права той эпохи доминировало неокантианство, наиболее крупными представителями которого на Западе был Г. Кельзен, а в России — П. И. Новгородцев [15, с. 469–475; 16, с. 8–11].

Одним из немногих, кто в противовес позитивистам отстаивал необходимость идеи абсолютного в праве, а в противовес неокантианцам провозгласил: «Назад к Гегелю!», был выдающийся томский правовед Иосиф Викентьевич Михайловский (1867–1920). Его работа «Основы философии права» входит в золотой фонд отечественного философского и теоретико-правового наследия. Гегеля Михайловский называет «вершиной европейской мысли», давая при этом очень точную оценку его философии в целом: «У Гегеля окончательно устранен дуализм мышления и бытия, нашего разума и вещи в себе (начало было положено Фихте и особенно Шеллингом) утверждается тождество мышления и бытия» [7, с. 202].

О значении абсолюта в праве и в философии права И. В. Михайловский писал: «Как общая философия стремится познать не только абсолютные первоосновы мира, но и тот порядок, в котором эти первоосновы проявляются, способ реализации их в мире, так и философия права должна показать те общие пути, те принципы,

при помощи которых абсолютная идея права как часть общемирового этического порядка реализуется в окружающей нас среде и в истории культуры» [7, с. 70]. Без отсылки к абсолюту право теряет свою функцию непосредственно действующего социального регулятора и превращается лишь в средство, которое используют в своих конечных интересах отдельные лица или социальные группы.

Абсолют для И. В. Михайловского выступает в единстве разума и идеи блага, которое, в свою очередь, трансформируется в «синтез личной свободы и общего блага». В духе гегелевского идеализма Михайловский определял главные основания теории права: 1) непосредственная связь с Абсолютным Источником всей мировой жизни; 2) разумно-нравственное содержание и 3) вечность и неизменность для всех времен и народов. Конкретизация данных оснований должна быть, по мнению ученого, связана с развитием учения о всеобщих основаниях бытия, транслируемых в правовое исследовательское поле в соответствии с методом познания, разработанным немецкими классиками.

Абсолютное содержание права продуцирует абсолютную идею права, из которой, согласно концепции Михайловского, вытекает естественное право как совокупность всеобщих принципов и норм. В построении своей правовой концепции русский профессор руководствуется гегелевским подходом к отношению позитивной юриспруденции и философии права (последнюю он отождествляет с естественным правом, хотя и с некоторыми оговорками, что видно из приведенной ниже цитаты): «Естественное право есть идеальная основа положительного права (руководящий принцип: синтез личной свободы и объективного порядка). Реализация этой идеи обусловлена местными и временными данными социальной среды. Таким образом, естественное право не противопоставляется

положительному, а составляет его идеальную сущность, вечную основу и вместе с тем фактор всего исторического развития. Из изложенного ясно, что вопреки мнениям некоторых ученых 1) у Гегеля нет дуализма права; 2) его воззрения не могут быть характеризованы, как принципиально отличные от всех предыдущих и, 3) что такое понимание естественного права вовсе не «равносильно его упразднению» [7, с. 70–71]. Раскрываемая в философской теории естественного права идея Абсолютного Разума и Добра как свойств «Первоисточника всей мировой жизни» реализуется в процессе общественного развития, в ходе которого и сам человек постепенно прогрессирует в своем развитии и становится свободным и сознательным участником в мировом процессе реализации Добра, в осуществлении Царства Божия.

Разумеется, в трактовке немецкой классической философии права Михайловский стоял на уровне науки своего времени, что не могло не сказаться и на уровне его философско-правовой концепции в целом. В ней, при справедливости основных общих положений, не был реализован потенциал, заключенный в гегелевском экспликации идеи абсолютного «не только как субстанции, но и как субъекта». В итоге, по многим моментам Михайловский, фактически, возвращается на уровень методологии, более свойственной для догегелевских и отчасти даже для докантовских форм философии.

И все же нет сомнения в том, что философско-правовое наследие И. В. Михайловского должно составить один из важных элементов суверенной философии права современной России. Сегодня совершенно очевидно, что действительный национальный суверенитет невозможен, если правовая система государства основана на принципах заимствованной (в особенности — либеральной) философии права. Философско-правовая мысль

должна актуализировать для государственно-правовой идеологии обновленной России, осознавшей себя как Царство Абсолютного Добра [13, с. 25–31], традиционные ценности ее народов [4, с. 17–21].

Постклассические правовые модели сами по себе не годятся на роль такого рода философско-правовой «матрицы» национальной идеологии уже по причине своей чужеродности, даже если не принимать во внимание негативность заключенного в постмодернистских учениях мощного антигуманистического потенциала. Напротив, философско-правовые концепции, связанные с развитием философии от античности до немецкой классической философии, именно в силу того, что они прошли испытание временем и опираются на длительный очищающий опыт своего всестороннего осмысления ведущими мыслителями прошлого и современности, уже не «ангажированы» какими-либо внешними для нас интересами и ценностями [14, с. 177]. В особенности здесь значимо наследие Гегеля, органично сочетавшее философское постижение логики всеобщего единства мышления и бытия с осмыслением сути государства и права в контексте традиционной теологии (хотя и относящейся к лютеранской традиции, а потому безблагодатной).

Именно в этом смысле прежде всего интересен опыт томского ученого, в своем учении об абсолютном в праве, с одной стороны, опиравшемся на достижения немецкой классической, в первую очередь — гегелевской, философии, а с другой, в качестве представителя русской философской мысли, эксплицировавшем традиционные нравственно-правовые ценности России.

Список литературы:

1. Богатырев Д. К. Мышление и Откровение. Систематическое введение в христианскую метафизику. СПб., 2017.
2. Богатырёв Д. К., Сизоненко Д. В. Концепция универсального гуманизма: религиозно-философские предпосылки // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 2. С. 13–22.
3. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019.
4. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Теоретико-методологические основания философии права Ф. М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 17–24.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб, 1995.
6. Лебедев С. П. Единое и благо в теологии Платона // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. Том: 21. Номер: 1 Год: 2020. С. 29–37.
7. Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. I. Томск, 1914.
8. Масленников Д. В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. 2015. № 6. С. 42–47.
9. Масленников Д. В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167–173.
10. Масленников Д. В., Любченко В. В. Теологическое и философское содержание учения Гегеля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 4. С. 159–173.
11. Масленников Д. В., Ревнова М. Б. Отношение религии и государства в философии права Г. В. Ф. Гегеля // Юридическая мысль. 2018. № 1 (105). С. 20–25.

12. Масленников Д. В., Ревна М. Б. Диалектика субъективного и объективного в обосновании права классиками немецкой философии // Юридическая мысль. 2020. № 3 (119). С. 74–91.
13. Масленников Д. В., Ревна М. Б., Сергеева А. Ю. Идея свободы в Царстве Абсолютного Добра (К вопросу о философско-правовых основаниях суверенной правовой идеологии) // Юридическая мысль. 2019. № 4–5. С. 25–32.
14. Масленников Д. В., Морозов А. И., Сальников В. П. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека. В 2-х частях. Отв. редактор Е. О. Тулупова. 2020. С. 176–187.
15. Фролова Е. А. История политических и правовых учений: Учебник. М., 2020.
16. Фролова Е. А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX — первая половина XX века). М., 2021.

Сведения об авторе. Масленников Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе частного образовательного учреждения высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия», d.maslennikov@rhga.ru

Information about the author. Maslennikov Dmitri Vladimirovich, Dr. Sci (Philosophy), Professor, Vice-rector for research of the Russian Christian Academy for the Humanities, d.maslennikov@rhga.ru

Историко-правовые основы деятельности религиозных организаций в контексте хозяйственно-правовых отношений в монастырских хозяйствах в Древнерусском государстве

Священник Павел Бочков,
Храм свт. Луки Архиепископа
Красноярского, г. Норильск,
Российская Федерация

Аннотация. Статья затрагивает исторический аспект церковно-государственных и экономико-правовых взаимоотношений и посвящена зарождению хозяйственно-правовых отношений в процессе деятельности монастырей в границах своих земельных владений в период Древнерусской государственности. Арендные отношения между монастырями и арендаторами можно отнести к хозяйственно-правовой сфере. Кроме доходов от аренды земли, монастыри имели доходы от промышленной и торговой деятельности, в противном случае такие религиозные организации не подлежали бы налогообложению в пользу государства.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность религиозных организаций, хозяйственные отношения с участием религиозных организаций, монастырь, монастырское хозяйство, вотчинное хозяйство, товарность монастырского хозяйства, оброк.

Historical and legal foundations of the activities of religious organizations in the context of economic and legal relations in monastic farms in the Ancient Russian State

*Priest Pavel Bochkov
The Church of St. Luke Archbishop of
Krasnoyarsk, Norilsk, Russian Federation*

Annotation. The article touches upon the historical aspect of church-state and economic-legal relations and is devoted to the emergence of economic-legal relations in the course of the activities of monasteries within the boundaries of their land holdings during the period of Old Russian statehood. Lease relations between monasteries and tenants can be attributed to the economic and legal sphere. In addition to income from land rent, the monasteries had income from industrial and commercial activities, otherwise such religious organizations would not be subject to taxation in favor of the state.

Keywords: economic activity of religious organizations, economic relations with the participation of religious organizations, monastery, monastery economy, patrimonial economy, marketability of the monastery economy, dues.

Ни для кого не секрет, что во все времена, религия как явление социального характера была вовлечена в хозяйственные отношения и тесно связана с проблемами собственности. Она всегда активно участвовала в распределении национального продукта, а также прямо или косвенно влияла на хозяйственные (предпринимательские) отношения как на местном, так и на общегосударственном уровне. Сегодня в сфере государственно-конфессиональных отношений, а точнее в аспекте хозяйственно-правовой деятельности религиозных организаций существует немало вопросов, требующих разрешения. Однако любое решение назревших проблем должно идти по пути более глубокого анализа проблемных вопросов как в плане синхронии, так и в плане диахронии.

Хозяйственная деятельность религиозных конфессий к началу XXI столетия остается практически не исследованной. К концу XX века отдельные (в частности, хозяйственные) аспекты жизнедеятельности религиозных общин чаще всего исследовались в рамках исторической науки и философии. Определенные вопросы экономики религиозных организаций являлись предметом анализа в работах Г. И. Шмелева [19; 20], П. Б. Лаговского [9], Н. А. Митрохина [12; 13], А. Н. Кашеварова [3; 4; 5; 6; 7] и некоторых других авторов. Именно в этих работах мы находим сведения о процессе возникновения и развития религиозных организаций как участников хозяйственно-экономических отношений.

Для усовершенствования отечественного законодательства о хозяйственной (предпринимательской) деятельности религиозных организаций необходимо изучение историко-правовых истоков такой деятельности на территории исторической Руси и способов ее регламентации со стороны Древнерусского государства, и в последующие исторические периоды.

В каждой религии и в каждом государстве проблемы, связанные с хозяйственной (экономической или предпринимательской)

деятельностью религиозных организаций, разнообразны и многоаспектны, поэтому мы акцентируем внимание в основном на тех, которые связаны с конфессиями, существующими в России. Религиозные организации имеют многовековую практику ведения хозяйственной деятельности, а их существование как общественных организаций неотделимо от их функционирования как субъектов экономики. И, прежде всего, это касается крупнейшей конфессии нашей страны — Русской Православной Церкви. Уже со времен святого князя Владимира — Крестителя Руси — Православная Церковь была устроена как четко структурированная организация, поскольку уже тогда у нее были собственные органы управления — епархиальные центры, во главе которых стояли епископы, а также существовали внутренние правила, обязательные для всех членов церкви, как клириков, так и мирян. Центральной организационно-правовой формой религиозной организации с ярко выраженной экономической составляющей с древнейших времен является монастырь. В контексте данной работы особого внимания заслуживает хозяйственная деятельность монастырей в так называемых вотчинных монастырских хозяйствах. Монастыри, обычно имевшие развитую структуру хозяйственной деятельности, оставили богатое наследие в виде разнообразной хозяйственной документации, которая пригодится при изучении отдельных экономико-правовых аспектов и явлений.

Вотчинное монастырское хозяйство известно с XI века. Его основой, прежде всего, являлись монастырские земли. Устав святого князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных [15] стал первым отечественным законодательным актом о правовом статусе Православной Церкви. Настоящий Устав заложил основные понятия церковной юрисдикции в отечественном законодательстве. В Уставе были сделаны первые шаги к определению имущественного статуса церкви.

Так, св. князь Владимир передал Десятинной церкви в Киеве десятую часть от княжеского поместья и закрепил за ней десятую часть поступлений от централизованной феодальной ренты и других доходов [там же, с. 244]. Похожие положения о десятине в пользу церкви содержат устав Новгородского князя Святослава о церковной десятине 1137 г. [1] и Устав князя Всеволода Мстиславовича о церковных судах, людях и мерилах торговых (1221 год) [16].

Со времени своего возникновения в пределах Руси Православная Церковь как хозяйствующий субъект сосредотачивала в своих руках большие земельные ресурсы, а также пожертвования (вклады), дарения, ценные приобретения не богослужебного, но хозяйственного значения и т.д. Нужно согласиться с И. К. Смоличем, утверждающим, что неопределенность и нерешенность вопроса о правах монастырей на землю способствовали росту и даже расцвету монастырского хозяйства. Расширению монастырских земельных владений способствовали разные привилегии (иммунитеты), дарованные монастырям великими и удельными князьями [14, с. 127]. Понятно, что иерархи и отдельные монастыри стремились получить от своих удельных князей, а впоследствии и от великих князей дарованные грамоты, подтверждающие эти права, не только для защиты своих владений от других князей, но и чтобы юридически закрепить за Церковью эти владения. Права и привилегии монастырей были обоснованы и защищены рядом документов, в частности, дарованными грамотами, уставными, правовыми, обменными, заезжими грамотами, а также залоговыми записями (кабалой).

На протяжении многих веков основой для хозяйственной деятельности было землевладение, а одним из видов хозяйственной деятельности — аренда земли. С самого начала своего существования монастыри были крупнейшими землевладельцами. В XIV–XVI веках увеличение вотчины происходило в основном путем покупки. Примечательно, что по данным,

помещенным в писарских и переписных книгах (именно они имеют особое значение для истории монастырских владений и монастырского хозяйства), к концу XVII века церковь владела 1/3 частью всех пахотных земель. По материалам упомянутых источников можно судить о деятельности монастырей, о росте их владений и объемах монастырского хозяйства. Учитывая это, вспомним исследования историка В. О. Ключевского, долго изучавшего жития святых, многие из которых были основателями монастырей. Он отмечал, что большинство монастырей того времени разрослись в крупные землевладельческие общества со сложным экономическим хозяйством и привилегированным хозяйственным управлением, с разнообразными бытовыми нуждами, поземельными тяжбами и запутанными экономико-правовыми, а по сути мирскими отношениями [8]. Конечно, такие земельные просторы не могли оставаться «мертвыми». Монастыри владели угодьями на том же праве, что и частные владельцы, и именно такую собственность отдавали в аренду третьим лицам. К тому же монастыри отдавали в аренду (давали в оброк) рыболовные и лесные угодья, соляные варницы и т.п.

Те, кто арендовал земли у монастыря, обязаны были платить монастырю оброк. Здесь нужно обратить внимание, что оброк в разных исследованиях юристы трактуют по-разному. Если приравнять оброк к ренте, то в таком случае речь не может идти о предпринимательстве или зачатках хозяйственных отношений. Мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые считают, что оброк в то время понимался так же, как мы сегодня понимаем такое явление как «аренда», то есть срочное или пожизненное право пользования имуществом, вытекающим из договора найма, (А. С. Лаппо-Данилевский [10], П. Н. Милюков [11], И. К. Смолич [14] и др.), и в таком случае можно говорить о сфере хозяйственно-правовых отношений монастырей как религиозных организаций с арендатором, частным лицом или предпринимателем.

Что касается ренты, то заметим, что она вроде бы является платой за землю, которой владеет монастырь, и является компенсацией за использование, однако трудовая теория стоимости (Д. Рикардо, К. Маркс) убеждает, что стоимость может быть создана только живым трудом. Следовательно, источником ренты является неоплаченный дополнительный труд наемных рабочих в сельском хозяйстве. Эта часть добавленной стоимости, которую обыкновенно получают предприниматели — арендаторы земельных участков, за которую арендаторы платят землевладельцам.

Таким образом, очевидно, что оброк необходимо квалифицировать как соответствие аренды, а, следовательно, мы имеем зарождение хозяйственных отношений между монастырем-землевладельцем и арендаторами. Чаще сельскохозяйственные угодья монастыри отдавали в аренду монастырским крестьянам. Обычно монастырское хозяйство было ориентировано на производство продукции для собственного потребления, однако часть продукции продавалась. Заметим, что для монастырей характерна некая товарность монастырского хозяйства. В пользу этого факта свидетельствуют и документальные данные (хозяйственные книги) об организации с начала XVII века летних ярмарок для продажи производимой монастырем продукции. Кроме того, у многих монастырей в собственности были городские дворы (подворья) для торговли и поддержания связей с институтами государственной власти [18]. Некоторые монастыри являлись владельцами крупных и развитых для своего времени промышленных предприятий. Даже иностранцы в своих упоминаниях свидетельствовали, что монахи владели именьями (достаточно значительными), и были удачными купцами во всем государстве и торговали разными товарами [17].

Интересен для нашего исследования факт наличия целого слоя тягловых попов, то есть обложенным специальным налогом клириков. Тяглом называли налоговую

обязанность более или менее оседлых, богатых хозяйств в отношении государства [2]. Физическое или юридическое лицо, подлежащее уплате тягла, должно было владеть хозяйством, которое делилось на главный центр и второстепенные части. Приходское духовенство в своем духовном ведомстве в древней Руси было податным классом и несло финансовую повинность. Это обстоятельство также косвенно свидетельствует о том, что и древнерусское белое приходское духовенство занималось хозяйственной деятельностью, облагаемой государством.

Итак, рассмотрев хозяйственную деятельность монастырей на одном из первых этапов их существования, мы пришли к следующим выводам:

- с самого начала церковь существовала как институт с четко выстроенной иерархической системой;
- уже в XI веке начало формироваться вотчинное монастырское хозяйство;
- этот вид хозяйства особо интересен, поскольку именно в его пределах зарождалась хозяйственная деятельность древнейших крупных религиозных организаций — монастырей;
- монастыри, являясь крупнейшими землевладельцами страны с древнейших времен, отдавали пахотную землю в оброк;
- оброк стоит квалифицировать как хозяйственные отношения, возникающие по поводу аренды земли;
- монастырское хозяйство имеет признаки товарности;
- уплата духовенством налогов в пользу государства свидетельствует о признании деятельности монастырей и приходов как хозяйственной;
- для многих монастырей специфической чертой является торговый (коммерческий) характер монастырского хозяйства;
- обложение духовенства специальным налогом косвенно свидетельствует об осуществлении им хозяйственной деятельности.

Список литературы:

1. 1137 г. Устав князя Святослава Ольговича // Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. Сост. А. А. Зимин. М., 1953. Вып. II: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. С. 116–123.
2. Бельский К. С. Финансы и финансово-правовые отношения в Московском царстве. Тяглый строй Московского царства // Государство и право. 2020. № 9. С. 123–135.
3. Кашеваров А. Н. Материальное положение православной Церкви в Советской России (1917–1920 гг.) // Российская история. 2016. № 5. С. 92–104.
4. Кашеваров А. Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995.
5. Кашеваров А. Н. Современное состояние Русской Православной Церкви // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2011. № 1 (118). С. 168–177.
6. Кашеваров А. Н. Финансово — экономическое положение Русской Православной Церкви в условиях революционных потрясений и гражданской войны // XVII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: (9–11 октября 2006 г. и 25–27 января 2007 г.: материалы). Т. 1. Осенняя сессия (9–11 октября 2006 г.). М., 2007. С. 213–218.
7. Кашеваров А. Н. Экономический аспект антицерковной кампании советского государства. 1958–1964 гг. // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. № 1. С. 123–129.
8. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
9. Лаговский П. Б. Экономический механизм деятельности религиозных организаций: на примере Русской Православной Церкви: Автореф. дисс. канд. эконом. наук. М., 2003.
10. Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований: исследование А. Лаппо-Данилевского. СПб., 1890.
11. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.
12. Митрохин Н. А. Русская православная церковь как субъект экономической деятельности // Вопросы экономики. 2002. № 8. С. 54–70.
13. Митрохин Н. А. Русская православная церковь: Современное состояние и актуальные проблемы. М., 2006.
14. Смолич И. К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999.
15. Устав князя Владимира Святославовича // Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. Сост. А. А. Зимин. М., 1952. Вып. I: Памятники права Киевского государства X–XII вв. С. 233–254.
16. Устав князя Всеволода Мстиславовича // Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. Сост. А. А. Зимин. М., 1953. Вып. II: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. С. 160–173.
17. Флетчер Д. О государстве русском / Пер. М. А. Оболенского. М., 2002.
18. Шамина И. Н. Из истории вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 141–154.
19. Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000.
20. Шмелев Г. И. Церковь, общество, государство и экономика // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 28–50.

Сведения об авторе. Иерей Павел Бочков, реабилитированный доктор богословия, доктор теологии, кандидат юридических наук, профессор кафедры теологии и христианской коммуникации Межрегиональной Академии управления персоналом, настоятель храма свт. Луки Архиепископа Красноярского г. Норильска, frpavel@inbox.ru

Information about the author. Priest Pavel Bochkov, Habilitated Doctor of Theology, Doctor of Theology, Candidate of Law, Professor of the Department of Theology and Christian Communication of the Interregional Academy of Personnel Management, rector of the Church of St. Luke of the Archbishop of Krasnoyarsk, Norilsk, frpavel@inbox.ru

Финансовое управление православного прихода: современные подходы и модели

Шалыгин Александр Иванович,
Томская духовная семинария,
г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. Вопросы финансов и экономики являются неотъемлемой частью практических аспектов функционирования любой организации, в т.ч. и православных приходов. Для коммерческих и государственных организаций финансовое управление (менеджмент) является базовым в их деятельности. Соответствующие специалисты проходят профессиональную подготовку на всех уровнях образования, ведется научная и исследовательская деятельность. По специальности ВАК 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» ежегодно защищаются кандидатские и докторские диссертации. Область же знаний церковных финансов, финансового управления слабо изучена. При поиске информации в сети интернет на запрос «церковные финансы» приходят ссылки на ненаучные и недостоверные источники в которых авторы (явно в негативном отображении) публикуют «фейки» о церковном имуществе и деньгах. В данной статье предлагается рассмотреть такие традиционные инструменты финансового управления как планирование и бюджетирование применительно к православному приходу, как к организации (объекту управления). Это далеко не исчерпывающий набор инструментов, но важно определить финансовое управление православного прихода как самостоятельную сферу знаний и компетенций для руководителей (настоятелей) приходов, а так же их помощников.

Ключевые слова: финансы православного прихода, бюджетирование церковной организации, доходы и расходы православного прихода, финансовая модель православного прихода.

Financial Management of an Orthodox Parish: Modern Approaches and Models

Shalygin Alexander Ivanovich
Tomsk Theological Seminary, Tomsk, Russian
Federation

Annotation. Financial and economic issues are an integral part of the practical aspects of the functioning of any organization, including Orthodox parishes. For commercial and government organizations, financial management (management) is basic in their activities. Relevant specialists are trained at all levels of education, scientific and research activities are conducted. PhD and doctoral dissertations are defended annually in the specialty of the Higher Attestation Commission 08.00.10 «Finance, money circulation and credit». The area of knowledge of church finance and financial management is poorly studied. When searching for information on the Internet, the request «church finance» receives links to unscientific and unreliable sources in which the authors (clearly in a negative display) publish «fakes» about church property and money. In this article, it is proposed to consider such traditional financial management tools as planning and budgeting in relation to an Orthodox parish as an organization (management object). This is far from an exhaustive set of tools, but it is important to define the financial management of an Orthodox parish as an independent sphere of knowledge and competence for the heads (rectors) of parishes, as well as their assistants.

Keywords: finances of an Orthodox parish, budgeting of a church organization, income and expenses of an Orthodox parish, financial model of an Orthodox parish.

Составить общую модель, которая могла бы описать все православные приходы в их экономической и финансовой политике невозможно. Такой задачи в данной статье и нет. Многие приходы можно охарактеризовать отсутствием какой-либо осознанной, управляемой (с позиции хозяйствования) модели. В зависимости от масштабов, местоположения, наличия/отсутствия благодетелей, исторических и туристических (паломнических) особенностей, вертикали епархиальной финансовой модели и многих иных факторов хозяйственная жизнь прихода может быть, как абсолютно безнадежной (экономический банкрот), так и очень насыщенной, активной, с постоянным развитием и процветанием. Независимо от всего вышеперечисленного, ситуацию конкретного прихода нередко можно описать практически полной зависимостью от факторов внешней среды. Целенаправленная финансовая и экономическая политика отсутствует, преобладающей является традиционная модель со всеми ее особенностями и недостатками.

В контексте Православного учения уместно поставить вопрос — а надо ли православному человеку, тем более священнослужителю, знать и использовать экономические инструменты бизнеса (главная цель которого прибыль)? Не является ли более правильным и верным положиться на Промысел Бога? Оставить «кесарево кесарю, а Божие Богу» [Лк 20:25]. Ответ на этот вопрос не является предметом дискуссии данной статьи. Ее задача познакомить заинтересованных священнослужителей с современными инструментами экономической деятельности, адаптированными под использование на приходе. В определенном смысле это такие же инструменты, как и то, что уже давно знакомо и не вызывает никаких противоречий в хозяйственной жизни. Мы привыкли и к наличным деньгам, и к банковским платежам, налогам, бухгалтерскому учету. Да и самые современные технологии

(например, интернет, социальные сети, мессенджеры) у большинства приходов находят свое применение. Финансовое управление, бюджетирование, финансовую безопасность и другие практические инструменты можно рассмотреть на предмет систематизации и развития приходской хозяйственной жизни.

Современные экономические знания важны и в несение пастьерского послушания. Священнослужитель в вопросах общения с представителями бизнеса, государственных органов, в частной беседе или исповеди так же может испытывать необходимость ориентироваться в терминологии, умении понять и дать свою оценку/суждение о соответствующих вопросах и проблемах.

В качестве одной из основных форм финансового планирования в коммерческих и государственных организациях используется бюджетирование. Рассмотрим данный подход применительно к финансам православного прихода. Бюджетирование [1] — общее название целого процесса составления, принятия и исполнения совокупности бюджетов разного уровня и назначения. Бюджетирование один из основных инструментов финансового управления хозяйствующим субъектом. Основная идея бюджетирования состоит в декомпозиции финансовой картины предприятия на отдельные взаимосвязанные элементы (бюджеты), управление которыми позволяет более эффективно достигать поставленных целей.

В качестве главной цели коммерческого предприятия находится получение прибыли [3]. Для некоммерческого — определяются уставом. Для православного прихода глобально (в хозяйственном, не сотериологическом смысле) необходимо быть земной частью единой соборной и апостольской Церкви, во главе которой Сам Христос [Кол. 1:18]. Приход остро нуждается (в ситуации отсутствия) в собственном церковном здании (помещении) в котором будет совершаться, желательно регулярно, таинство Евхаристии

и иные богослужения суточного, годового круга. Это в свою очередь невозможно без окормления прихода священнослужителем. Текущая цель прихода на разных жизненных этапах в разных условиях так же может быть различна. Это и поиск, ремонт (реставрация) или строительство Храма (временного помещения). Это может быть приобретение всего необходимого для богослужения. Строительство вспомогательных помещений, благоустройство территории и многие другие цели, реализация которых является приоритетной для прихода и к достижению которых устремлено внимание священноначалия, духовенства и прихожан.

Опишем кратко преимущества, которые дает внедрение бюджетирования (по сравнению с его отсутствием):

- планирование будущего финансового плана, а не решение проблем «по мере их появления»;
 - возможность выбора между альтернативными вариантами привлечения и расходования средств;
 - экономия средств за счет рационального ведения деятельности;
 - максимально эффективное распределение средств по статьям расходов;
 - систематический мониторинг данных о достижении результата и затраченных ресурсах;
 - возможность делегирования и распределения ответственности за реализацию задач между сотрудниками (участниками единой команды прихода).
- Внедрение бюджетирования можно реализовать используя следующий последовательный процесс (выбор конкретного пути зависит от ситуации и цели):
- формирование бюджетного комитета (назначение ответственного сотрудника);
 - разработка и утверждение необходимых бюджетов, их форм и инструментов ведения;
 - определение периодичности работы бюджетного комитета, принятия, утверждения текущих бюджетов, бюджетов будущих периодов;

- реализация бюджетного процесса в течении первого (испытательного) периода. Анализ и коррекция принятых решений по результатам первого периода;
- непрерывное совершенствование бюджетного процесса.

Регулярное применение бюджетирования удобнее всего осуществлять с использованием компьютерной техники. Есть множество специализированных программ — 1С, ПланФакт (<https://planfact.io/>) и другие. На начальном этапе достаточно сформировать несложные таблицы в программе Эксель и научиться их регулярно обновлять (шаблоны таких таблиц можно найти в интернет). Но даже при полном отсутствии компьютера на приходе это не является препятствием для внедрения бюджетирования. Все записи и расчеты можно вести в бумажной форме.

Состав бюджетного комитета определяется настоятелем прихода (или общим собранием прихода). Он может включать в себя — руководителя бюджетного комитета (настоятель прихода или лицо ответственное за финансовое управление), сотрудника(ов) финансовой службы (бухгалтерии), лиц ответственных за отдельные бюджеты (например бюджет строительства, бюджет воскресной школы), представителей прихода, крупных и/или постоянных жертвователей. Не рекомендуется формировать комитет более чем из 3–4 участников.

Периодичность проведения бюджетного комитета определяется целями бюджетного процесса и на практике составляет не чаще одного раза в квартал (одного раза в месяц для крупных приходов) и не реже одного раза в год.

Бюджетный комитет:

- рассматривает отчет(ы) об исполнении текущих бюджетов;
- дает оценку исполнению бюджетов;
- утверждает бюджет(ы) следующих периодов;
- рассматривает иные вопросы финансового управления.

При оценке исполнения бюджетов можно рекомендовать использовать управление

«по отклонению» [См.: 4]. Данный инструмент предполагает выбор и утверждение максимально допустимого отклонения фактического результата от планового. На практике значение выбирается от $\pm 5\%$ (очень строгое исполнение) до $\pm 15\%$ (нестрогое исполнение). Когда конкретное значение статьи бюджета укладывается в принятый допуск, статья считается исполненной. При превышении допуска (при этом учитываются как «+» так и «-») данная ситуация выносится на обсуждение бюджетного комитета и принимаются соответствующие управленческие и/или организационные решения.

Минимальный процесс бюджетирования включает в себя 2 бюджета: бюджет доходов (поступлений) и бюджет расходов (затрат). Рассмотрим кратко их содержание с учетом специфики прихода.

Бюджет доходов. Необходимо обратить внимание на терминологию, которая должна соответствовать сущности религиозной организации (православного прихода). Все статьи бюджета доходов (как правило) связаны с пожертвованиями. Более правильно и название бюджета выбрать — «Бюджет пожертвований». Необходимо избегать таких терминов как продажа(жи), реализация, прибыль. Экономическая культура на приходе должна формироваться исходя из принципа что любая денежная сумма это материальная жертва прихожан на основе чувства их религиозности и соответствующего восприятия Церкви [См.: 2]. Такое отношение должно быть и среди духовенства, сотрудников и активных прихожан. Независимо от того какая конкретная операция происходит — подается записка, заказывается служба, берется свеча или книга.

В общем виде можно отразить такие статьи как:

- пожертвования за свечи;
- пожертвования на богослужения (записки);
- частные службы (требы);
- пожертвования за литературу;
- пожертвования от организаций;
- другие статьи, в зависимости от источника пожертвований.

При ведении на приходе дополнительных видов деятельности (например, фермерского хозяйства, производственных/творческих мастерских, пекарни или иных) рекомендуется выделять их в отдельные бюджетные процессы и формировать сводный бюджет. При утверждении бюджета пожертвований желательно использовать разделение ответственности за его исполнение по соответствующим сотрудникам — центрам ответственности. Например за пожертвования от корпоративных жертвователей (организаций) отвечает сам настоятель, а за поступления в церковную лавку ее работник.

Бюджет расходов. Бюджет расходов формируется исходя из текущих затрат прихода, таких как заработная плата сотрудников, НДФЛ и ЕСН, коммунальные расходы, закуп необходимых товаров и материалов, отчисления в епархию и т.д. Но кроме текущих затрат внедрение бюджетирования должно охватывать перспективные цели и задачи, затраты на реализацию которых должны корректно и своевременно отражаться в соответствующих статьях бюджета. Важно разделять в бюджете (бюджетах) затрат статьи по степени обязательности их исполнения на «защищенные», обязательные, первоочередные к исполнению, и, остальные, «незащищенные». При этом отнесение статей затрат к защищенным/незащищенным должно определяться не только их «нужностью» — например заработная плата сотрудников, но и возможностью их исполнения (!!), которая в свою очередь зависит от бюджета пожертвований.

Прогнозирование деятельности. В процессе внедрения бюджетирования важно перевести управление приходом от решения проблем «по факту» к прогнозной деятельности. Когда управленческие решения обсуждаются/корректируются и принимаются на следующий плановый период (месяц, квартал, год). У настоятеля прихода и ответственных сотрудников должна быть возможность заранее оценить финансовые параметры бюджета, принять решения и довести их

до соответствующих исполнителей. Одним из аргументов сложности внедрения бюджетирования является непредсказуемость его параметров, в особенности той части которая отражает пожертвования. Важно, несмотря на данную проблему, внедрять бюджетирование и учиться его использованию, постоянно совершенствуя процесс. На давно существующем приходе, с историей, уже сложившимся коллективом, постоянным настоятелем процесс бюджетирования внедряется более легко. Опыт настоятеля и сотрудников, данные финансового и бухгалтерского учета за последние годы, позволяют прогнозировать будущие параметры бюджета точно и достоверно. С учетом сезонности, богослужебного годовичного круга, особенностей конкретного прихода, его месторасположения и иных факторов. Для нового (недавно организованного, построенного, назначенного) прихода вполне допустимо ориентироваться на параметры аналогичных приходов, если такая информация доступна (или же ее можно найти). Определенные параметры бюджета можно спрогнозировать расчетным путем. Статьи бюджета (бюджетов) затрат прогнозируются исходя из текущих (постоянных) затрат и поставленных целей. Как правило, суммы затрат заранее известны и/или же получаются расчетным путем.

Необходимо «учиться» управлять бюджетным процессом сбалансировано, не подгоняя прогнозные цифры пожертвований под необходимые затраты или наоборот, когда затраты полностью планируются под собранные суммы. При утверждении бюджета должны анализироваться как поступления, так и расходы, рассматриваться альтернативные варианты, искать пути увеличения

сумм пожертвований, стремиться оптимизировать расходы. При этом сохраняя приоритеты текущих (необходимых) трат работать над достижением перспективных целей и задач (развития прихода, улучшения хозяйственных условий и т.д.).

В завершении данной статьи еще раз повторим — финансовое управление на православном приходе не должно восприниматься как «нечто» не соответствующее церковной «сакральной» природе, но восприниматься как элемент хозяйственной жизни, способствующий более организованной и плановой деятельности прихода.

Список литературы:

1. Бюджетирование деятельности предприятия: цели, задачи и основные принципы [Режим доступа] <https://finacademy.net/materials/article/byudzhetrovanie-na-predpriyatii> (дата обращения 10.04.2022).
2. Почему в Церкви берут деньги? [Режим доступа] <https://foma.ru/pochemu-v-cerkvi-berut-dengi.html> (дата обращения 15.04.2022).
3. Статья 50. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022).
4. Управление по отклонениям [Режим доступа] <https://economy.ru/info/info/4328/> (дата обращения 10.04.2022).

Сведения об авторе. Шалыгин Александр Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры церковно-практических дисциплин Томской духовной семинарии, tpk01@mail.ru

Information about the author. Shalygin Alexander Ivanovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Church and Practical Disciplines of the Tomsk Theological Seminary, tpk01@mail.ru

Председатель редакционного совета: Митрополит Томский и Асиновский Ростислав;

Члены редакционного совета:

1. Баган Владислав протоиерей, кандидат юридических наук, кандидат богословия доцент, Смоленская духовная семинария (Смоленск);
2. Буряков Евгений Владимирович, доктор юридических наук, профессор ОМА МВД России (Омск);
3. Гайденок Павел Иванович доктор исторических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва);
4. Костромин Константин протоиерей, кандидат исторических наук, кандидат богословия, Санкт-Петербургская духовная академия (Санкт-Петербург);
5. Костюкова Татьяна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, ТГУ, Томская духовная семинария (Томск);
6. Луговик Виктор Федорович, доктор юридических наук, профессор, ОМА МВД России (Омск);
7. Мазырин Александр, иерей, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор, Православный Свято-Тихоновский университет (Москва);
8. Марченко Алексей протоиерей, доктор исторических наук, доктор богословия, профессор, Общецерковная аспирантура и докторантура (Москва);
9. Масленников Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, РХГА (Санкт-Петербург);
10. Сазонова Наталья Ивановна, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, ТГПУ (Томск);
11. Смирнов Алексей Евгеньевич, доктор философских наук, доцент, Иркутский государственный университет (Иркутск);
12. Шкаровский Михаил Витальевич доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургская духовная академия (Санкт-Петербург).

Томский Богословский Вестник. Теология. Право. Экономика.
регистрационный номер ПИ № ФС77-84136
от «22» ноября 2022 г.

Учредитель: ООО «ТПК»

Главный редактор: архимандрит Иосиф (Еременко), кандидат богословия, ректор Томской духовной семинарии

Ответственный редактор: диакон Сергей Кульпинов, кандидат богословия, Томская духовная семинария

Дизайн обложки, верстка журнала: Я. В. Родина

Номер 1 (1), декабрь 2022 г. подписано в печать 09.12.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно.

Адрес редакции и издателя: Томская духовная семинария.

634009, г. Томск, пр. Ленина, 82, тел. 8(3822) 512-645

Отпечатано ООО «Томский Полиграфический Комплекс», 634003, г. Томск, ул.Пушкина, 40/1, тел.: 8(3822)521152.

Номер заказа 32174. Дата печати 12.12.2022 г.

Главный редактор: архимандрит Иосиф (Еременко), кандидат богословия, ректор Томской духовной семинарии;

Ответственный редактор: диакон Сергей Кульпинов, кандидат богословия, Томская духовная семинария;

Редакционная коллегия:

1. иерей Виталий Коллантай, кандидат юридических наук, Томская духовная семинария, Томский государственный педагогический университет;
2. Шалыгин Александр Иванович, кандидат экономических наук, доцент, ТГУ, Томская духовная семинария;
3. Аксенова Лейла Юсуповна, кандидат юридических наук, доцент, ОМА МВД России (Омск);
4. иеромонах Паисий (Одышев), кандидат физико-математических наук, Томская духовная семинария;
5. Санфинова Ольга Владиславовна, кандидат экономических наук, доцент, ТГПУ (Томск);
6. Исаева Анастасия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, ТГУ (Томск);
7. иерей Максим Стыров, кандидат экономических наук, ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН», г. Сыктывкар;
8. протоиерей Павел Бочков доктор теологии, кандидат юридических наук, Красноярская епархия;
9. иерей Илья Соловьев кандидат исторических наук, кандидат богословия, Общество любителей церковной истории (Москва).

ТВР

Вы держите в руках первый выпуск научно-исследовательского богословского журнала «Томский богословский вестник. Теология. Право. Экономика», который вышел в знаменательный для Томской духовной семинарии год 30-летия ее возрождения. Это новый этап развития семинарии, так как появление флагманского научного издания определяет перспективы развития основных направлений в научной жизни ВУЗа.